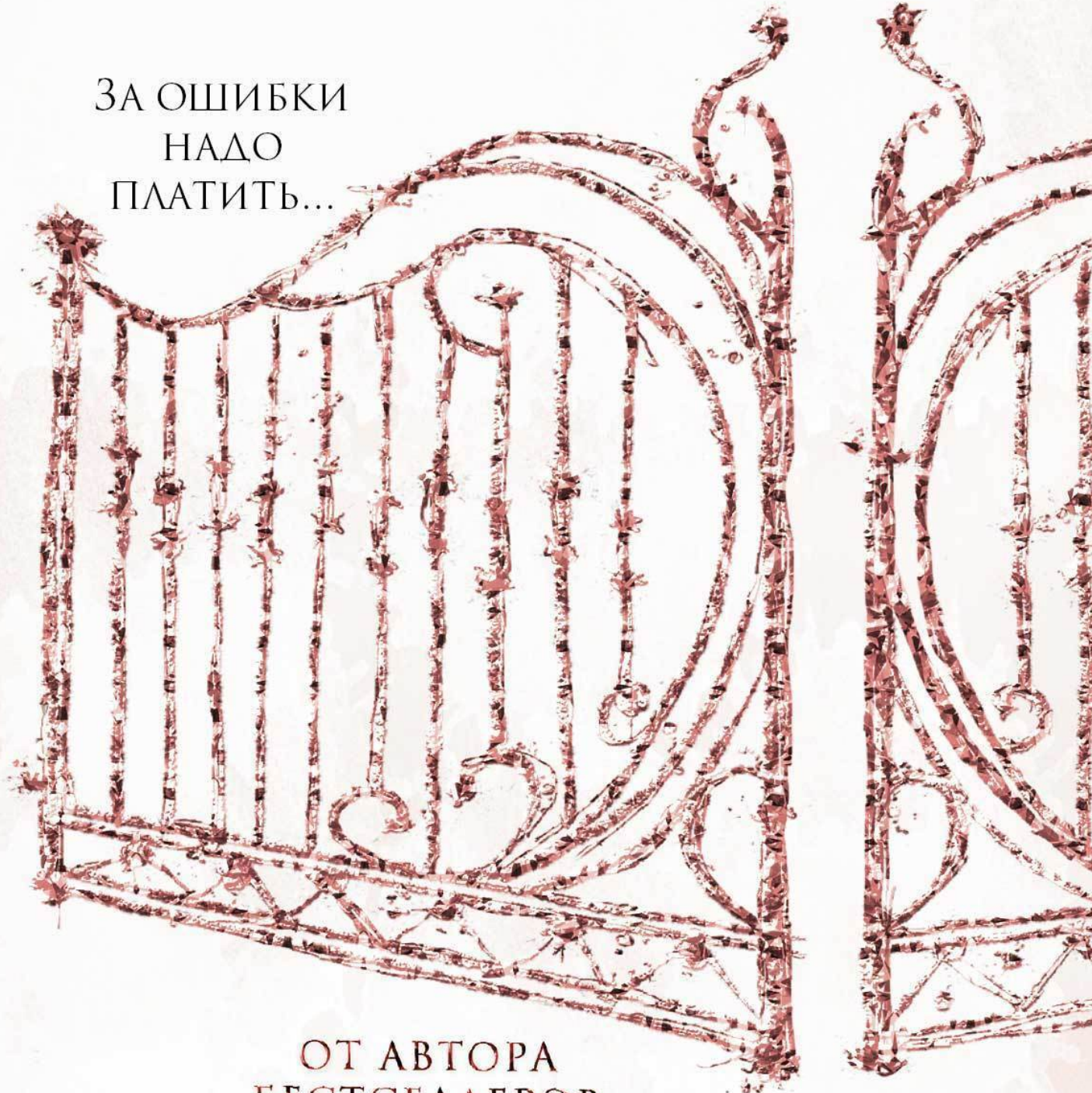

ЗА ОШИБКИ
НАДО
ПЛАТИТЬ...

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«БУМАЖНАЯ ПРИНЦЕССА»
И «СЛОМЛЕННЫЙ ПРИНЦ»

ЭРИН УАТТ

РАЗРУШЕННЫЙ
ДВОРЕЦ

18+

Семья Ройалов

Эрин Уатт

Разрушенный дворец

«АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)44

Уатт Э.

Разрушенный дворец / Э. Уатт — «АСТ», 2016 — (Семья Ройалов)

ISBN 978-5-17-108310-6

Рид и Элла наконец-то вместе. После всего, что им пришлось пройти, кажется, ничто не может помешать их счастью. Но судьба снова бросает героям вызов...Когда любовь Рида Ройала решать проблемы кулаками приводит его на край пропасти, Элла Харпер готова до конца биться за любимого. Но хватит ли у девушки сил пойти против всего мира? И главное — достаточно ли сильна ее вера в Рида и его любовь?Роковые поступки, непоправимые случайности, опасные интриги и неподдельные чувства — особняк Ройалов, как всегда, держит в напряжении своих обитателей. Наступят ли когда-нибудь мир и покой в этом роскошном дворце?..

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое)44

ISBN 978-5-17-108310-6

© Уатт Э., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эрин Уатт

Разрушенный дворец

Глава 1

Рид

– Где вы находились вчера вечером, между восьмью и одиннадцатью часами?

– Как долго вы спали с девушкой вашего отца?

– Зачем вы убили ее, Рид? Она вывела вас из себя? Угрожала, что расскажет об этой интрижке вашему отцу?

Я посмотрел не один сериал про копов и знаю, что, сидя в комнате для допросов, лучше помалкивать. А еще можно сказать четыре магических слова: «Я требую своего адвоката».

Именно поэтому за последний час я не вымолвил ни слова.

Если бы я был несовершеннолетним, этим придуркам и в голову не пришло бы допрашивать меня в отсутствие родителей или поверенного. Но мне восемнадцать, и, по-видимому, они считают, что все по-честному. Или надеются, что я окажусь полным идиотом и отвечу на все их провокационные вопросы без адвоката.

Детективов Казинса и Шмидта, похоже, совсем не пугает моя фамилия. Хоть что-то новенькое. Всю жизнь все потакали мне, потому что я Ройал. Проблемы в школе? Папа подписывал чек – и мои грехи забыты. Девчонки? Выстраиваются в очередь, чтобы прыгнуть ко мне в постель, а потом хвастаются своим друзьям, что переспали с Ройалом.

Но все они мне безразличны. Сейчас меня интересует только одна-единственная девчонка – Элла Харпер. И я совершенно уничтожен тем, что ей пришлось наблюдать, как меня вытаскивают из дома в наручниках.

Брук Дэвидсон мертва.

До сих пор не могу в это поверить. Когда я уходил из пентхауса, подружка моего отца, эта жадная до денег платиновая блондинка, была живее всех живых.

Но детективам я об этом ничего не говорю. Я же не идиот. Они исказят смысл любого сказанного мною слова.

Раздраженный моим молчанием Казинс ударяет ладонями по металлическому столу между нами.

– Отвечай, маленький засранец!

Мои руки под столом начинают сжиматься в кулаки. Я заставляю пальцы расслабиться. Здесь лучше держать свои эмоции под контролем.

Его напарница, тихая женщина по имени Тереза Шмидт, бросает на Казинса предостерегающий взгляд.

– Рид, – начинает она мягким голосом, – мы не сможем помочь тебе, если ты не пойдешь нам навстречу. А ведь мы хотим тебе помочь.

Я выгибаю бровь. Нет, серьезно? Они затеяли игру в «хороший коп – плохой коп»? Наверное, мы смотрели одни и те же сериалы.

– Ребята, – безразличным тоном отвечаю я, – у вас со слухом все в порядке? А то я начинаю сомневаться.

Усмехнувшись, скрещиваю руки на груди.

– Я уже попросил адвоката, а значит, вы должны подождать с вопросами до тех пор, пока он не появится.

– Мы можем задавать тебе вопросы, – говорит Шмидт, – а ты можешь на них отвечать. В этом нет ничего противозаконного. А еще ты можешь добровольно поделиться с нами тем, что тебе известно. Например, начнем с объяснения, откуда на твоей футболке кровь.

Я сдерживаю желание схватиться рукой за бок.

– Спасибо за предложение, но я подожду Хальстона Гриера.

В маленькой комнате повисает тишина.

По лицу Казинса заходили желваки. Шмидт лишь вздыхает. Потом оба детектива отодвигаются на стульях и, не сказав ни слова, выходят.

Ройал – 1.

Полиция – 0.

Они сдались, но и вызывать адвоката тоже не торопятся. Поэтому на протяжении следующего часа я сижу в полном одиночестве и размышляю о том, как, черт подери, докатился до такой жизни. Я никогда не был святым и даже не притворялся им. На моем счету не одна драка. При необходимости я могу быть жестоким.

Но я не из тех парней, кого уводят в наручниках из собственного дома, кому приходится смотреть в испуганные глаза своей девушки, пока его усаживают на заднее сиденье полицейской машины.

Когда дверь снова открывается, я начинаю ощущать клаустрофобию и поэтому веду себя грубо, хотя не должен.

– Что-то ты не особо торопился, – рассерженно говорю я адвокату отца.

Несмотря на поздний час, адвокат, седовласый мужчина лет пятидесяти с небольшим, одет в костюм. Он уныло улыбается мне.

– О, смотрю, кое у кого отличное настроение.

– Где папа? – заглядывая через плечо Гриера, требовательно спрашиваю я.

– В комнате ожидания. Ему сюда нельзя.

– Почему?

Гриер закрывает дверь, подходит к столу, ставит на него свой дипломат и открывает золотистые защелки.

– Потому что в отношении родителей, дающих свидетельские показания против своих детей, нет никаких ограничений. Свидетельский иммунитет распространяется лишь на супругов.

Впервые за все время с момента моего ареста меня начинает подташнивать. Давать свидетельские показания? Но ведь *суда* не будет, не так ли? Как далеко собираются зайти копы с этим расследованием?

– Рид, соберись.

У меня сводит живот. Проклятье. Меньше всего мне хочется выглядеть беспомощным перед этим мужчиной. Я никогда не показываю свои слабости, никогда. Единственный человек, рядом с которым я могу расслабиться, – это Элла. Эта девчонка обладает способностью пробиваться через все мои барьеры и *видеть* меня, настоящего меня, а не холодного, бездушного засранца, которого видят все остальные.

Гриер достает блокнот и золотую авторучку, а затем усаживается на стуле напротив.

– Я разберусь со всем этим, – обещает он. – Но сначала должен понять, с чем имею дело. Судя по тому, что мне удалось выжать из сотрудников полиции, ведущих расследование, у них есть видео- запись, на которой видно, как прошлым вечером, без пятнадцати девять, тыходишь в пентхаус О'Халлоранов. И на той же видеозаписи зафиксировано, как тыходишь приблизительно двадцать минут спустя.

Я быстро оглядываю комнату в поисках камер или другого записывающего оборудования. Здесь нет зеркала, значит, вряд ли кто-то наблюдает за нами из невидимой соседней комнаты. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Все, о чем мы разговариваем здесь, останется между нами, – заметив мою настороженность, уверяет меня Гриер. – Им нельзя нас записывать. Адвокатская тайна и все такое.

Я медленно выдыхаю.

– Да, я был в пентхаусе. Но я ее не убивал!

Гриер кивает.

– Хорошо. – Он что-то записывает в своем блокноте. – Давай вернемся к событиям, предшествовавшим всему этому. Я хочу, чтобы ты начал с самого начала. Расскажи мне о вас с Брук Дэвидсон. Важна любая деталь. Я должен знать все.

Я сдерживаю стон. Прекрасно. *Это* будет весело.

Глава 2

Элла

Комнаты мальчишек располагаются в южном крыле, а комната их отца – в другой стороне особняка Ройалов, поэтому, поднявшись на последнюю ступеньку, я поворачиваю направо и несусь по натертому паркету к комнате Истона. На мой тихий стук он не отвечает. Готова поклясться, парень будет спать даже в ураган. Я стучусь громче. Когда мне по-прежнему никто не отвечает, я толкаю дверь и вижу Истона, распластавшегося на кровати лицом вниз.

Я подхожу к нему и трясую его за плечо. Он стонет.

Я снова трясую его, меня охватывает паника. Почему он все еще спит? Почему его не разбудила суматоха, которая только что творилась внизу?

– Истон! – кричу я. – Просыпайся!

– Что случилось? – слегка приоткрыв один глаз, бурчит он. – Дерьмо! Я опаздываю на тренировку?

Он перекачивается на спину, потянув за собой простыни, и моему взгляду открывается куда больше голого тела, чем мне нужно видеть. Я нахожу на полу его скомканные спортивные штаны и кидаю их на кровать. Штаны приземляются ему на голову.

– Вставай, – умоляю я.

– Зачем?

– Потому что наступил конец света!

Истон сонно моргает.

– Что?

– Мы в полной жопе! – кричу я, а потом заставляю себя глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться. Но это не помогает, и я рывкаю: – Просто приходи в комнату Рида, хорошо?

Наверное, он слышит неконтролируемую панику в моем голосе, потому что сразу же встает с кровати. Прежде чем я успеваю выйти за дверь, перед моими глазами опять мелькает голое тело Истона.

Но, вместо того чтобы пойти в комнату Рида, я бегу через просторный коридор в свою спальню. Этот дом до неприличия большой и красивый, но внутри него царит полнейший хаос, как и в моей голове.

Наверное, я уже и правда стала членом семьи Ройал.

На самом деле – нет, конечно. И оставшийся там, на первом этаже, мужчина – живое тому доказательство: Стив О'Халлоран, мой отец, совершенно непохожий на мертвеца, которым его считали.

Меня переполняют самые разные эмоции, от которых подкашиваются колени и вот-вот начнется истерика. Мне ужасно неловко из-за того, что пришлось оставить его внизу. Я даже не представилась, а просто развернулась на пятках и помчалась вверх. Слава богу, Каллум Ройал не сделал того же. Но сейчас его больше всего заботила судьба Рида, поэтому он лишь выпалил: «Сейчас мне не до тебя, Стив, подожди меня здесь», понесся к своей машине и отправился в полицейский участок.

Несмотря на чувство вины, я гоню прочь мысли о Стиве. Сейчас я не могу думать о нем. Нужно сосредоточиться лишь на Риде.

Оказавшись в своей комнате, я первым делом вытаскиваю из-под огромной кровати свой рюкзак. Я всегда держу его под рукой. Расстегнув молнию, с облегчением вижу, что кожаный

кошелек, в котором хранятся все наличные, полученные от Каллума за каждый месяц, проведенный в его семье, на месте.

Когда я только переехала сюда, Каллум пообещал платить мне десять тысяч долларов в месяц до тех пор, пока я не сбегу. Сначала я ненавидела особняк Ройалов, но вскоре любила его всем сердцем. И сейчас даже представить себе не могу, что могла бы жить в каком-нибудь другом месте, – я останусь здесь даже бесплатно. Но жизнь в нищете учит бережливости, поэтому я не стала говорить об этом Каллуму.

Сегодня я всей душой благодарна ему за эту «мотивацию». Денег в моем рюкзаке хватит на то, чтобы продержаться несколько месяцев, а может, и больше.

Закинув рюкзак на плечо, я быстро подхожу к комнате Рида, и одновременно со мной в коридор выходит Истон. Его темные волосы торчат в разные стороны, но штаны – на нем, слава богу.

– Что происходит? – спрашивает он, входя вслед за мной в спальню старшего брата.

Я рывком открываю дверь стенового шкафа, взгляд лихорадочно бегаёт по огромному пространству внутри. В самом конце, на нижней полке, я нахожу то, что ищу.

– Элла, – настойчиво зовет Истон.

Я не отвечаю ему. Он с хмурым видом наблюдает, как я тащу по кремовому ковру темно-синий чемодан.

– Элла, черт тебя дерит! Ты можешь поговорить со мной?

Его хмурый вид сменяется удивлением, и он большими глазами смотрит, как я начинаю закидывать вещи в чемодан. Несколько футболок, любимая зеленая толстовка Рида, джинсы, пара маек. Что же еще может ему понадобиться?.. Э-э-э, трусы, носки, ремень...

– Зачем ты упаковываешь вещи Рида?

Сейчас Истон чуть ли не кричит на меня, и этот резкий тон заставляет обратить на него внимание.

Поношенная серая футболка падает из моих рук на ковер. Но сердцебиение учащается, когда я опять понимаю всю серьезность ситуации.

– Рида арестовали за убийство Брук, – быстро начинаю говорить я. – Твой отец в полицейском участке вместе с ним.

Истон в недоумении.

– Что за черт! – восклицает он, а потом: – Копы приехали, когда мы были на ужине?

– Нет, уже после того, как мы вернулись из Вашингтона.

На ужин в Вашингтон поехали все, кроме Рида. Так уж живут Ройалы. У них настолько много денег, что в распоряжении Каллума есть несколько частных самолетов. Возможно, их не было бы, не владей он компанией по их производству, но все равно у меня это в голове не укладывается. Вечером мы сели на самолет в Северной Каролине, чтобы полететь в Вашингтон – просто *поужинать*. Да уж, у богатых свои причуды. Но Рид остался дома, потому что у него болел бок.

Несколько дней назад его пырнули ножом, и он сослался на то, что от болеутоляющих чувствует себя слишком сонным, чтобы ехать с нами.

Но не чтобы поехать к Брук...

Боже, что же он все-таки *сделал* тем вечером?

– Это случилось десять минут назад, – слабым голосом добавляю я. – Разве ты не слышал, как твой отец кричал на детектива?

– Я ничего не слышал. Я... э-э-э... – Истон стыдливо отводит глаза. – Вечером у Уэйда я выпил бутылку водки. Потом приехал домой и сразу же вырубился.

У меня нет сил отчитывать его за пьянство. У Истона серьезные проблемы с пагубными привычками, но сейчас куда важнее проблемы Рида, которого обвиняют в *убийстве*.

Я сжимаю пальцы в кулак. Если бы Рид сейчас был здесь, я бы ударила его – за то, что он соврал мне, и за то, что его увезли в полицию.

Наконец Истон нарушает оглушающую тишину.

– Думаешь, это он сделал?

– Нет. – Но как бы уверенно ни звучал мой голос, внутри меня все дрожит.

Вернувшись с ужина, я заметила, что у Рида разошлись швы, а на животе была кровь. Но Истону я про эти подозрительные детали говорить не собираюсь. Я доверяю ему, но он, по моему, еще не протрезвел. В первую очередь мне нужно защитить Рида, а кто знает, что по пьяни или под кайфом может ляпнуть Истон.

Проглотив ком в горле, я фокусируюсь только на этой задаче – защитить Рида. Быстро сунув в чемодан еще кое-что из одежды, я застегиваю молнию.

– Ты так и не ответила мне, зачем собираешь вещи, – недовольно говорит Истон.

– На случай, если нам придется бежать.

– Нам?

– Мне и Риду. – Вскочив на ноги, я бросаюсь к комоду и принимаюсь рыться в ящике с носками. – Я хочу быть наготове, на всякий случай, понял?

В чем-чем, а в этом – быть готовой сбежать в любой момент – мне равных нет. Правда, не знаю, дойдет ли до этого. Может, сейчас в дом войдут Рид и Каллум и объявят: «Все улажено! Все обвинения сняты!». А может, Рида не отпустят под залог, или под поручительство, или как, черт побери, это называется и он вообще не вернется домой.

Но если ничего из этого не произойдет, я хочу быть готовой покинуть город молниеносно. Мой рюкзак всегда набит всем необходимым, но Рид, в отличие от меня, не любит планировать. Он импульсивный, часто делает что-то, не подумав...

И может убить?

Я отгоняю от себя эту дикую мысль. Нет, Рид не мог сделать то, в чем его обвиняют.

– Эй, ребята, чего вы тут так орете? – доносится из дверей сонный голос. – Вас слышно даже в другом конце коридора.

В комнату входят шестнадцатилетние близнецы Ройал. У обоих на талии завязаны простыни. В этом доме никто не знает про существование пижам?

– Рид прикончил Брук, – говорит Истон братьям.

– Истон! – с возмущением вскрикиваю я.

– Что? Мне нельзя было говорить близнецам, что одного из наших братьев арестовали по обвинению в убийстве?

Сойер и Себастиан со свистом выдыхают.

– Вы не шутите? – спрашивает Сойер.

– Копы только что забрали его, – шепчу я.

У Истона такой вид, как будто его вот-вот стошнит.

– Думаю, они не стали бы этого делать, не будь у них каких-нибудь доказательств против него. Может, это из-за... – Он делает круговое движение пальцем у своего живота.

Близнецы ошарашенно моргают.

– Что? Из-за ребенка? – спрашивает Себ. – Какое Риду дело до отродья Брук?

Черт. Я и забыла, что близнецы совсем не в курсе. Они знают только, что Брук была беременна – мы все присутствовали, когда она объявила об этом, – но они в полном неведении о другом ее заявлении.

– Брук угрожала Риду рассказать всем, что отец ребенка – он, – признаюсь я.

Две пары одинаковых голубых глаз в изумлении смотрят на меня.

– Но это не так, – твердым голосом продолжаю я. – Он переспал с ней всего пару раз, и это было шесть месяцев назад. У нее срок был меньше.

– Да по фигу, – Себ пожимает плечами. – Значит, Рид обрюхатил папину невесту, а потом пришел ее, чтобы по дому не бегала его уменьшенная копия?

– Нет! – кричу я.

– Тогда он все-таки папин? – медленно проговаривая слова, спрашивает Сойер.

– Не уверена, – нерешительно помолчав, отвечаю я.

– Почему?

– Потому что...

Уф, в этом доме слишком много секретов! Но я больше не хочу ничего скрывать. Из-за них нам всем только хуже.

– Он сделал вазэктомию.

Себ прищуривается.

– Папа сам тебе сказал?

Я киваю.

– Сказал, что сделал операцию после вашего рождения, потому что ваша мама хотела еще детей, но ей запретили рожать по каким-то медицинским показаниям.

Близнецы снова переглядываются, ведя молчаливый диалог.

Истон потирает подбородок.

– Мама всегда хотела девочку. Она много раз об этом говорила, считала, что девочка сделает нас мягче. – Он кривит губы. – Хотя, как по мне, девчонки ни в каком месте не делают меня мягким.

От раздражения у меня ком подступает к горлу. Конечно, Истону нужно обязательно сморозить какую-нибудь пошлость, иначе это будет не он.

Сойер прикрывает улыбку ладонью, но Себ смеется в открытую.

– Ладно, предположим, и Рид, и папа оба говорят правду – тогда кто же отец?

– Может, его и нет? – предлагает версию Истон.

– Но он должен быть, – отвечаю я.

Ни Рид, ни Каллум никогда не сомневались в том, что Брук беременна, значит, это было правдой.

– Необязательно, – возражает Истон. – Она могла врать. А после того, как папа женился бы на ней, притвориться, что у нее случился выкидыш.

– Нездорово, но возможно, – кивает Себ, явно поддерживая брата.

– Почему ты считаешь, что Рид ее не убивал? – спрашивает меня Истон, и в его голубых глазах вспыхивает озадаченность.

– А ты веришь, что он на это способен? – огрызаюсь я.

Он пожимает плечами и смотрит на близнецов, но не на меня.

– Если она угрожала нашей семье, он мог это сделать. Или они начали ссориться, и произошел несчастный случай. Объяснений куча.

Противное чувство в животе усиливается. Картина, которую Истон нарисовал таким обыденным тоном, вдруг начинает казаться возможной. У Рида порвались швы. На нем была кровь. Так что если он...

– Нет, – выдавливаю я из себя, – он этого не делал. И я не хочу, чтобы кто-то из вас думал иначе. Он невиновен. Точка.

– Тогда почему ты готовишься сбежать из города?

Тихий вопрос Истона повисает в комнате. Я проглатываю страдальческий стон и обеими руками тру глаза. Он прав. Какая-то часть меня уже решила, что Рид может оказаться виновным. Не поэтому ли я собрала его чемодан и свой рюкзак?

Молчание затягивается, но вдруг его нарушает ясный звук шагов, доносящийся с первого этажа. У Ройалов нет прислуги, и мальчишки тут же напрягаются, услышав внизу признаки жизни.

– Это была входная дверь? – спрашивает Себ.

– Они вернулись? – спрашивает Соьер.

Я закусываю губу.

– Нет, это не входная дверь. Это...

Мне снова трудно говорить. Боже, я совсем забыла про Стива! Проклятье, как я могла?!

– Кто это? – переспрашивает Истон.

– Стив, – признаюсь я.

Братья дружно смотрят на меня, округлив глаза.

– Это Стив там внизу. Он появился на пороге в ту же секунду, как увезли Рида.

– Стив, – недоверчиво повторяет за мной Истон. – Дядя Стив?

Себастиан издает какой-то хриплый звук.

– *Покойный* дядя Стив?

Я стискиваю зубы.

– Он не умер. Немного похож на Тома Хэнкса в фильме «Изгой», только без волейбольного мяча.

– Охренеть!

Когда Истон поворачивается к двери, я хватаю его за запястье и пытаюсь потянуть назад. Сил для этого у меня уже не осталось, но мое прикосновение заставляет его остановиться.

Он наклоняет голову и секунду пристально смотрит на меня.

– Разве ты не хочешь спуститься вниз и поговорить с ним? Это твой *papa*, Элла.

Паника обрушивается на меня новой волной.

– Нет, он просто мужик, от которого забеременела моя мама. Сейчас я не в силах разобраться с ним. Я... – Я снова сглатываю ком в горле. – Мне кажется, он не понял, что я его дочь.

– Ты не сказала ему?! – восклицает Соьер.

Я медленно качаю головой.

– Может, кто-то из вас спустится туда и... не знаю... отведет его в гостевую комнату, что ли?

– Давай я, – тут же отвечает Себ.

– Я пойду с тобой, – подхватывает его брат. – Хочу увидеть его своими глазами.

Мальчишки несутся к двери, и я быстро окликаю их.

– Ребята, только не говорите ему про меня. Seriously, я еще не готова. Давайте подождем, пока Каллум вернется.

Близнецы снова обмениваются взглядами, что, похоже, заменяет им разговоры.

– Не вопрос, – отвечает Себ, и они уходят, а потом сбегают вниз по лестнице, чтобы встретиться со своим воскресшим из мертвых крестным отцом.

Истон подходит ко мне. Его взгляд опускается на чемодан, лежащий у шкафа, потом поднимается на меня. Одним быстрым движением он хватается за мою руку и сплетает наши пальцы.

– Ты не станешь сбежать, сестричка. Ты же сама понимаешь, что это дурацкая идея.

Я смотрю на наши переплетенные пальцы.

– Я всегда сбегую, Ист.

– Нет, ты борешься.

– Я могу бороться за других: за маму, Рида или за тебя – но с собственными проблемами я не очень умею справляться. – Я еще сильнее закусываю нижнюю губу. – Откуда здесь взялся Стив? Разве он не *умер*? И как они могли арестовать Рида? – Мой голос начинает дрожать. – А что если из-за этого он и правда попадет в тюрьму?

– Не попадет. – Пальцы Истона сильнее сжимают мои. – Рид вернется, Элла. Папа обо всем позаботится.

– А если он не сможет?

– Сможет.

Но что если все-таки нет?

Глава 3

Элла

После бессонной ночи я захожу в гостиную, окна которой выходят на двор перед домом. В одном из проемов между бесконечной чередой окон, образующих фасад, втиснута мягкая скамейка. Я плюхаюсь на подушки и впиваюсь взглядом в круглую подъездную дорожку. Телефон лежит на коленях, но он молчит всю ночь и все утро. Ни единого звонка, ни одного сообщения. Ничего.

Мое разбушевавшееся воображение подкидывает всевозможные картины того, что могло случиться. Он в камере. Он в комнате для допросов. Его запястья и лодыжки скованы наручниками. Он не отвечал на вопросы, и полицейский избил его. Придется ли ему сидеть в тюрьме до суда? Я понятия не имею, как работает весь этот процесс: арест, обвинение, суд.

Зато я прекрасно понимаю, что чем дольше нет Рида и Каллума, тем хуже мне становится.
– Доброе утро.

От звука незнакомого мужского голоса я чуть не падаю со скамейки. На секунду мелькает мысль, что в дом кто-то залез или вернулись детективы, чтобы провести обыск. Но, повернувшись к двери, я вижу Стива О'Халлорана.

Со сбритой бородой, в слаксах и рубашке поло он уже не напоминает бездомного и больше похож на отца какого-нибудь ученика Астор-Парка, частной школы, где мы с Ройалами учимся.

– Элла, верно? – На его лице проступает неуверенная улыбка.

Я отрывисто киваю и, положив телефон экраном вниз, отворачиваюсь обратно к окну. Совершенно не представляю, как мне себя с ним вести.

Вчера вечером я спряталась в спальне, предоставив заботу о Стиве Истону и близнецам. Не знаю, что они ему про меня рассказали, но очевидно, что он не понимает, кто я, и не помнит про письмо, которое получил от моей мамы, перед тем как отправиться в путешествие и полетать на дельтаплане, где, как предполагали, он и погиб.

Истон зашел ко мне, перед тем как пойти спать, и сообщил, что Стив в зеленой комнате для гостей. Я понятия не имела, что у них есть зеленая комната для гостей, и уж тем более не знала, где она находится.

От мучительного чувства беспокойства мне хочется убежать и спрятаться. Вообще-то, я и так *спряталась*. Но он все равно нашел меня, и встреча с собственным отцом пугает меня в миллион раз больше, чем стычка с сотней грубых девчонок в школе.

– Хорошо, Элла, я слегка растерян.

Я вздрагиваю, потому что его голос звучит совсем рядом. Глянув через плечо, вижу, что он стоит всего в паре шагов от меня.

Я упираюсь пятками в подушку на скамейке, заставляя себя не двигаться. Он обычный человек: две ноги, две руки, – который, получив от умирающей женщины письмо о том, что у него есть дочь, вместо того чтобы отыскать эту женщину и ребенка, отправляется в путешествие. Вот такой человек.

– Ты слышала меня? – Сейчас он кажется еще более растерянным, как будто никак не может понять, то ли я специально его игнорирую, то ли у меня просто проблемы со слухом.

Я бросаю отчаянный взгляд на окно. Где Истон? И почему Рид все еще не дома? А что если он никогда не вернется домой?

Резкий прилив паники сжимает горло, отчего почти невозможно дышать.

– Я слышала вас, – наконец выдаю я.

Стив подходит еще ближе. Я ощущаю запах мыла или шампуня, которым он пользовался сегодня утром.

– Не знаю точно, чего я ждал, когда вчера вечером вылезал из такси, но... – Его тон становится насмешливым. – Черт побери, точно не этого. Из рассказов Иста я понял, что Рида арестовали?

Я снова киваю. И почему-то мне не нравится, что он так назвал Истона. Неправильно, что какой-то чужак произносит его уменьшительное имя.

Он не чужак. Он знает их с рождения.

Я задумываюсь: наверное, если в доме Ройалов и есть чужак, то это я, а никак не Стив О'Халлоран. По-моему, Каллум даже говорил мне, что Стив – крестный отец всех братьев.

– Однако никто не подумал объяснить мне, кто *ты*. Меня, конечно, долго не было, но особняк Ройалов уже давно стал холостяцкой берлогой.

По спине пробегает холодок. Нет. Боже, нет. Я не хочу говорить об этом сейчас. Но светло-голубые глаза Стива изучают мое лицо. Он ждет ответа, и я понимаю, что должна хоть *что-то* ему сказать.

– Каллум – мой опекун.

– Каллум – твой опекун? – с удивлением повторяет Стив.

– Да.

– А кто твои родители? Друзья Каллума? Я их знаю? – интересуется он, но как будто спрашивает сам себя.

Меня охватывает паника, но, к счастью, мне не приходится отвечать ему, потому что вдруг я замечаю на подъездной дорожке черный лимузин.

Они вернулись!

Я слетаю со скамейки и через две секунды оказываюсь в главной гостиной. Измотанный Каллум и изнуренный Рид входят в дом, но, увидев меня, тут же останавливаются как вкопанные.

Рид поворачивается, поднимая на меня взгляд ярко-голубых глаз, смотрит мне в лицо, и наши взгляды встречаются.

Мое сердце замирает, но тут же пускается в галоп. Не говоря ни слова, я бросаюсь к нему.

Рид ловит меня: одна сильная рука запутывается в моих волосах, а вторая обнимает меня за талию. Я повисаю на нем, прижимаясь грудью к его груди, бедрами к его бедрам, как будто смогу защитить одними своими объятиями.

– Ты как? – шепчу я ему в грудь.

– Я в порядке. – Его голос звучит низко, хрипло.

Слезы жгут глаза.

– Мне было страшно.

– Я знаю. – Его дыхание щекочет мне ухо. – Все будет хорошо. Я обещаю. Давай поднимемся наверх, и я все тебе объясню.

– Нет, – коротко говорит Каллум, услышав слова Рида. – Ты ничего не будешь никому говорить, конечно, если не хочешь сделать Эллу свидетелем.

Свидетелем? О боже. Полиция допрашивает *свидетелей*, а Рид пытается убедить меня, что все *хорошо*?

За нашими спинами раздаются шаги. Рид отпускает меня, и его глаза расширяются, когда в прихожую входит высокий светловолосый мужчина.

– Дядя Стив, – вырывается у него.

– Рид. – Стив кивает в знак приветствия.

Каллум разворачивается к моему отцу.

– Стив, господи, я и забыл про тебя! Подумал, что ты мне приснился. – Он переводит взгляд со Стива на меня. – Вы уже познакомились?

Я энергично киваю и делаю большие глаза, пытаюсь предупредить Каллума, что сейчас не хочу всей этой суматохи, вызванной встречей отца с дочкой. Каллум хмурится, но Стив отвлекает на себя его внимание, когда говорит:

– Мы только начали знакомство, когда вы приехали. И нет, это был не сон. Я выжил.

Какое-то мгновение двое мужчин просто смотрят друг на друга. Потом оба делают шаг вперед, встречаются и по-мужски обнимаются, приветливо похлопывая друг друга по спинам.

– Черт, как же хорошо вернуться домой! – говорит Стив своему старому другу.

– Как ты здесь оказался? – в смятении спрашивает Каллум. – Где ты, черт побери, пропал все эти девять месяцев?

А потом голосом, в котором слышатся и гнев, и радость, добавляет:

– Я потратил на твои поиски и спасение пять миллионов долларов!

– Это долгая история, – отвечает Стив. – Давай где-нибудь сядем, и я расскажу тебе.

Топот ног по лестнице заставляет его замолчать. На площадке второго этажа появляются три младших Ройала, их взгляды мигмом находят Рида.

– Говорил же вам, он вернется! – восклицает Истон и спускается вниз, перескакивая через две ступеньки.

Его волосы после сна торчат в разные стороны, и на нем только боксеры, но это не мешает ему притянуть к себе Рида и быстро обнять его.

– Ты как, бро?

– Хорошо, – ворчливо отвечает Рид.

К ним подходят Соьер и Себастиан, и они смотрят на своего отца.

– Что было в полицейском участке? – спрашивает Соьер.

– Что нам теперь делать? – тут же подает голос Себ.

Каллум вздыхает.

– Мне пришлось вытащить из кровати одного друга, знакомого судью, он приехал утром и установил сумму залога для Рида. Завтра утром мне нужно будет отвезти в суд паспорт Рида. А пока мы ждем. Тебе, Стив, придется какое-то время пожить здесь, – сообщает Каллум моему отцу. – Твой дом стал местом преступления.

– А что случилось? Кто-то наконец прикончил мою дражайшую женушку? – сухим тоном спрашивает Стив.

От удивления я вскидываю голову. Жена Стива, Дина, – ужасно злобная женщина, но я поверить не могу, что он может шутить о ее убийстве.

Каллumu это тоже не нравится, потому что он отвечает довольно резко:

– Вряд ли сейчас уместно шутить, Стив. Но нет, это Брук умерла. И Рида ошибочно обвиняют в ее смерти.

Пальцы Рида стискивают мои.

– Брук? – Стив удивленно поднимает брови. – Что случилось?

– Черепно-мозговая травма, – с прохладой отвечает Рид. – И нет, я этого не делал.

Каллум сердито смотрит на сына.

– Что? – рычит Рид. – Это факт, а я не боюсь фактов. Вчера мне позвонила Брук, и я поехал к ней. Вы все уехали, я чувствовал себя нормально, вот и поехал. Мы поругались. Я ушел. Когда я уходил, она была расстроена, но жива. Вот и вся история.

«А что с твоими швами? – хочется крикнуть мне. – А как же кровь, которую я видела на тебе, когда вернулась с ужина?»

Но слова застревают в горле, и я заливаюсь приступом кашля. Все смотрят на меня, пока Истон не начинает говорить.

– Ладно, если история такова, я «за».

Лицо Рида мрачнеет.

– Это не история, это правда.

Истон кивает.

– Повторюсь, я только «за», бро. – Его взгляд останавливается на вновь прибывшем. – Как бы то ни было, я бы лучше послушал историю дяди Стива. Восстать из мертвых – это круто!

– Да, вчера он не сказал нам ни слова, – глядя на отца, ворчит Себастиан. – Хотел дождаться тебя.

Каллум снова вздыхает.

– Давайте пойдем на кухню. Мне бы не помешала чашечка кофе. От пошла в полицейском участке у меня изжога.

Мы дружно следуем за главой семейства Ройал в огромную современную кухню, в которую я влюбилась сразу же, как только переехала сюда. Каллум направляется к кофеварке, а мы подходим к столу и садимся, как будто это обычное воскресенье, а не воскресенье после ареста Рида по обвинению в убийстве и появления у наших дверей воскресшего из мертвых человека.

Это что-то невероятное. Произошедшее никак не укладывается у меня в голове.

Рид садится рядом и кладет руку мне на ногу, чтобы успокоить то ли меня, то ли себя, а может, нас обоих.

Истон, едва опустившись на стул, сразу берет быка за рога.

– Ну что, ты все-таки собираешься рассказать нам, почему не умер? – спрашивает он у моего отца.

Стив слабо улыбается.

– Я никак не могу понять, рад ты этому или, наоборот, огорчился.

«Ни то, ни другое» – чуть было не вырывается у меня. Но мне удается прикусить язык в последнюю секунду, хотя это правда. Возвращение Стива как ничто другое сбивает меня с толку и немного пугает.

– Мы рады, – в унисон говорят близнецы.

– Ясное дело, – соглашается с ними Истон.

– Как ты выжил? – Это уже Рид.

Его голос звучит резко, рукой он продолжает ласково гладить мою ногу, как будто знает, что я уже на грани.

Стив откидывается на спинку стула.

– Не знаю, что вам рассказала Дина, если вообще что-то рассказала, о нашем маленьком путешествии.

– Ты отправился летать на дельтаплане, и обе подвески сломались, – подходя к столу, говорит Каллум. Он ставит чашку кофе перед Стивом, а потом садится и отпивает из своей чашки. – Дине удалось раскрыть запасной парашют. Ты упал в океан. Я четыре недели искал твое тело.

На лице Стива появляется кривая усмешка.

– И потратил на это всего лишь пять миллионов. Сэкономил на мне, старик?

Каллumu это не кажется смешным. Его лицо каменеет, как поверхность скалы.

– Почему ты сразу же не вернулся домой после того, как тебя нашли? Прошло девять месяцев, ради всего святого!

Стив дрожащей рукой проводит по подбородку.

– Потому что меня нашли всего лишь несколько дней назад.

– Что? – Каллум выглядит обескураженным. – Так где, черт тебя побери, ты был все эти месяцы?

– Из-за болезни или из-за голода, но я плохо все помню. Меня вынесло на берег Тави – крошечного островка примерно в трехстах с лишним километрах восточнее Тонги. Мой организм был серьезно обезвожен, и в течение нескольких недель я то приходил в сознание, то

снова впадал в беспамятство. Обо мне заботились местные жители, и я бы вернулся раньше, но покинуть остров можно только на рыболовном судне, которое приходит дважды в год, чтобы обмениваться товарами с островитянами.

«Твой отец говорит» – звучит голос в голове. Я изучаю его лицо, стараясь найти общие черты, но единственное, что нас объединяет, – это цвет глаз. В остальном я полностью похожа на маму: лицом, фигурой, волосами. Голубоглазая версия молодой Мэгги Харпер, но, видимо, она не произвела особого впечатления на Стива, потому что непохоже, чтобы он узнал меня.

– Говорят, что островитяне собирают яйца каких-то особенных чаек, которые в Азии считаются деликатесом. Рыболовецкая лодка доставила меня в Тонгу, где мне пришлось добиваться возвращения в Сидней. – Стив делает глоток кофе, а потом без преувеличения заявляет: – Это чудо, что мне удалось выжить.

– Когда ты попал в Сидней? – спрашивает Себастиан.

Мой отец задумчиво надувает губы.

– Не помню. Может, дня три назад.

Каллум раздраженно спрашивает:

– И тебе не пришло в голову позвонить и сообщить нам, что ты жив?

– Сначала мне нужно было кое с чем разобраться, – натянутым голосом отвечает Стив. – Я знал, что, если позвоню, ты прыгнешь на первый же самолет, чтобы полететь за мной, а мне не хотелось отвлекаться от поисков ответов на свои вопросы.

– Ответов? – еще более резким, чем прежде, голосом переспрашивает Рид.

– Я отправился искать человека, который организовал тот полет на дельтапланах. И еще мне нужно было отыскать свои вещи: паспорт, кошелек, одежду.

– Ты нашел организатора? – Истона тоже захватила эта история, как и всех нас.

– Нет, он куда-то пропал много месяцев назад. Оказавшись в тупике, я пошел в американское посольство, и они отправили меня домой. Из аэропорта я поехал сразу сюда.

– Хорошо, что ты не поехал домой, – мрачно говорит Каллум. – А то тебя тоже могли бы арестовать.

– Где моя жена? – с подозрением спрашивает Стив. – Дина и Брук всегда были не разлей вода.

– Дина все еще в Париже.

– И что они там делали?

– Ходили с Брук по магазинам, – Каллум на мгновение умолкает, – готовились к свадьбе. Стив фыркает.

– Что за идиот решил в это вляпаться?

– Этот, – Каллум показывает на себя.

– Шутишь!

– Она была беременна. Я думал, ребенок мой.

– Но ты сделал ва... – Стив замолкает на полуслове и быстро оглядывается, чтобы проверить, не заметил ли кто его оговорку.

– Вазэктомия, – заканчивает за него Истон.

Каллум бросает на меня быстрый взгляд и смотрит на сына.

– Ты знаешь?

– Я рассказала им. – Я поднимаю подбородок. – В этом доме слишком много дурацких секретов.

– Согласен, – заявляет Стив.

Он поворачивается, и взгляд знакомых голубых глаз впивается в меня.

– Каллум, – продолжая глядеть на меня, говорит он. – Теперь, когда я ответил на все ваши вопросы, может, и ты ответишь на мой? Кто эта очаровательная девушка?

Рука Рида сжимает мое бедро. У меня такое ощущение, что в животе лежит цементный блок, но рано или поздно он должен узнать правду. Так почему бы не сейчас?
– Вы не узнаете меня? – со слабой улыбкой спрашиваю я. – Я ваша дочь.

Глава 4

Элла

Стив О'Халлоран непохож на человека, которого можно легко удивить, но сейчас он замер на месте, а на его лице выражается неподдельный шок.

– Моя... – Не договорив, он поворачивается к Каллуму: за помощью, поддержкой? Не знаю.

Но для человека, который как ни в чем не бывало спрашивает, не «прикончил» ли кто его жену, он кажется совершенно неподготовленным к менее драматичной новости о том, что сидит за одним столом с собственным ребенком.

– Дочь, – мягким голосом заканчивает за него Каллум.

Стив несколько раз моргает.

– Ты помнишь письмо, которое получил перед тем, как вы с Диной отправились в путешествие? – спрашивает Каллум.

Стив медленно качает головой.

– Письмо... от кого?

– От матери Эллы.

– Мэгги, – добавляю я охрипшим голосом. Мне всегда больно думать о маме. – Вы познакомились с ней восемнадцать лет назад, когда получили увольнение на берег. И вы двое... э-э-э...

– Переспали, трахнулись, станцевали мамбу в кровати, – подсказывает Истон.

– Мама Эллы забеременела, – вмешивается Каллум, пока его сын не успел сказать еще миллион скабрзностей, которые уже готовы сорваться у него с языка. – Она пыталась отыскать тебя еще тогда, но безуспешно. Когда у нее обнаружили рак, она отправила письмо на базу, где ты служил, надеясь, что им удастся найти тебя. И им это удалось. Ты получил это письмо девять месяцев назад, перед самым отъездом.

Стив снова моргает, затем переводит взгляд на меня и смотрит... (с любопытством, удовлетворением?).

Я начинаю ерзать на стуле, и Рид гладит мою ногу, чтобы успокоить. Он знает, как я не люблю быть в центре внимания, а прямо сейчас все в комнате глядят только на меня.

– Ты дочь Мэгги, – говорит Стив, и в его голосе слышится удивление вперемешку с интересом. – Она умерла?

Я киваю, потому что не могу говорить из-за огромного кома, вставшего поперек горла.

– Ты... моя дочь. – Он произносит эти слова медленно, как будто пробует на вкус.

– Угу, – удается мне выжать из себя.

– Ух ты. Что ж, хорошо. – Стив проводит рукой по своим отросшим волосам. – Я...

На его губах появляется кривая улыбка.

– Думаю, нам о многом нужно поговорить, да?

Из-за паники внутри у меня все сжимается. Я не готова к этому. Я не знаю, что говорить этому человеку, как себя с ним вести. Пусть Ройалы знают Стива много лет, но для меня он остается незнакомцем.

– Наверное, – рассматривая руки, бормочу я.

Сжалившись надо мной, Каллум произносит:

– Это может подождать до тех пор, пока ты не устроишься.

Стив переводит взгляд на старого друга.

– Я так понимаю, ты разрешаешь мне пожить у вас, пока полиция не освободит пентхаус?
– Конечно.

Мне становится все тревожнее. А он не может пожить в гостинице, например? Особняк у Ройалов огромный, да, но от мысли о том, что я буду жить под одной крышей со своим считавшимся погибшим отцом, мне становится не по себе.

Но почему? Почему я не могу броситься ему на шею и благодарить Бога, что он жив? Почему я не рада тому, что смогу узнать его?

Потому что он чужой.

Это единственный ответ, который сейчас имеет хоть какой-то смысл. Я не знаю Стива О'Халлорана, и у меня не очень получается сходиться с новыми людьми. Все мое детство – это череда переездов с места на место, и я старалась ни с кем не сближаться, зная, что мама в любой момент снова соберет наши вещи и мне придется прощаться.

Приехав в Бэйвью, я тоже не собиралась ни к кому привязываться. В итоге у меня есть лучшая подруга, парень, типа «братья», которых я обожаю, и Каллум, человек, который, несмотря на все его заморочки, стал мне кем-то вроде отца.

Не знаю, как в эту картину сможет вписаться Стив. И пока я еще не готова думать об этом.

– Значит, у нас с Эллой будет время узнать друг друга на ее территории, – говорит Стив, и до меня доходит, что он улыбается мне.

У меня получается выдавить ответную улыбку.

– Чудненько.

Чудненько?

Рид шутливо щиплет меня за ногу, и когда я поворачиваюсь к нему, то вижу, что он едва сдерживает смех. Да, похоже, Стив тут не единственный, кто пребывает в состоянии шока.

К счастью, Каллум и Стив начинают говорить об «Атлантик Эвизэйшн», своей компании. Я замечаю, что Стиву не особо интересны все подробности, а лишь какой-то проект, который они упоминают в общих чертах. Однажды Каллум сказал мне, что у них много государственных заказов. Вскоре оба мужчины извиняются и скрываются в кабинете Каллума, чтобы обсудить последний квартальный отчет компании.

Оставшись с мальчишками, я изучаю их лица, стараясь понять, так ли их огорошило происходящее, как и меня.

– Странно, правда? – быстро начинаю говорить я, пока все продолжают хранить молчание. – В том смысле, что он только что воскрес из *мертвых*?

Истон пожимает плечами.

– Говорил же тебе, что дядя Стив крут.

Сойер усмехается.

Я обеспокоенно смотрю на Рида.

– Теперь мне придется переехать к ним с Диной?

Все мигом становятся серьезными.

– Ни за что, – тут же отвечает Рид, тихо, но твердо. – Мой папа – твой опекун.

– Но Стив – мой отец. Если он захочет, чтобы я жила с ним, мне придется переехать.

– Ни за что.

– Это исключено, – соглашается Истон, и даже близнецы выразительно кивают.

Тепло разливается по телу. Мне до сих пор не верится, что, когда я только приехала сюда, мы ненавидели друг друга. Рид хотел уничтожить меня. Его братья либо издевались надо мной, либо просто игнорировали. Я каждый день мечтала сбежать.

А теперь я не могу представить свою жизнь без Ройалов.

Но живот опять скручивает узлом, стоит мне вспомнить, где Рид провел ночь. Существует вероятность, что его больше *не будет* в моей жизни, если полицейские докажут, что именно он убил Брук.

– Пойдем наверх, – говорю я дрожащим голосом. – Я хочу, чтобы ты рассказал мне обо всем, что случилось в участке.

Рид кивает и молча поднимается со стула. Когда Истон тоже встает, Рид поднимает руку.

– Вам я расскажу все попозже. Позвольте мне сначала поговорить с Эллой.

Наверное, Истон видит панику в моих глазах, потому что впервые за все время, сколько я его знаю, поступает так, как ему говорят.

Пока мы поднимаемся на второй этаж по черной лестнице, я переплетаю свои пальцы с пальцами Рида. Когда мы заходим в мою комнату, он тут же запирает дверь и рывком притягивает меня к себе.

Я не успеваю моргнуть, как его губы накрывают мои. Это горячий, отчаянный поцелуй с языком. Я думала, что слишком измотана, чтобы ощутить хоть что-то кроме усталости, но все мое тело с готовностью отзывается, когда умелые губы Рида дарят мне наслаждение.

Я издаю стон протеста, когда Рид прерывает поцелуй, отчего он усмехается.

– Я думал, мы собирались поговорить, – напоминает он мне.

– Ты первый начал целоваться, – ворчу я. – Как я должна помнить про разговор, если твой язык у меня во рту?

Рид тянет меня на кровать. Спустя секунду мы лежим лицом друг к другу, наши ноги переплетены.

– Тебе было страшно? – шепчу я.

Выражение его красивого лица смягчается.

– Не особо.

– Тебя арестовали по подозрению в убийстве, – с надрывом говорю я. – Мне было бы страшно.

– Я никого не убивал, Элла. – Он протягивает руку и гладит мою щеку кончиками пальцев. – Клянусь тебе, когда я ушел из пентхауса, Брук была жива.

– Я верю тебе.

Это правда. Рид не убийца. У него есть недостатки, и много, но он никогда и ни за что не отнял бы жизнь у другого человека.

– Но почему ты не сказал мне, что ездил туда? – обиженным голосом спрашиваю я. – Что Брук тебе сказала? И кровь у тебя на боку...

– Швы разошлись. Об этом я не врал. Наверное, это случилось по дороге домой, потому что, пока я был там, крови не было. А тебе я ничего не сказал, потому что перед вашим возвращением принял болеутоляющее, а потом мы начали ласкать друг друга... – Он вздыхает. – Я отвлекся. И, если честно, это не казалось мне важным. Я собирался сказать тебе утром.

Искренность, звучащая в его голосе, отражается и на лице.

Я прижимаюсь щекой к его ладони.

– Она хотела денег?

– Угу, – просто отвечает он. – Она испугалась, что папа назначил тест на отцовство. Хотела заключить сделку: если я перепису на нее свой трастовый фонд, она возьмет деньги и исчезнет, и мы никогда больше ее не увидим.

– И ты отказался?

– Конечно, я отказался! Я не собирался платить этой женщине ни цента. Анализ ДНК подтвердил бы, что ни я, ни папа не имеем отношения к этому ребенку. Подумаешь, нам лишь пришлось бы подождать еще несколько дней. – Его голубые глаза темнеют. – Но я и представить себе не мог, что она убьется!

– Так ты считаешь, это несчастный случай? – Я хватаюсь за соломинку, но, честное слово, совершенно не понимаю, как так могло случиться. Брук ужасная – была ужасной – но никто из нас не желал ее смерти; чтобы она ушла из нашей жизни – да, но не чтобы умерла.

По крайней мере, я точно этого не хотела.

– Понятия не имею, – отвечает Рид. – Не удивлюсь, если у Брук окажутся враги, о которых мы ничего не знали. Она могла вывести кого-то из себя настолько, что этот кто-то решил разmozжить ей башку.

Я морщусь.

– Прости, – быстро шепчет он.

Я сажусь и потираю уставшие глаза.

– Какие доказательства есть у копов?

– Видео с камер наблюдения, где я захожу и выхожу из здания, – признается Рид. – И кое-что еще.

– Что?

– Не знаю. Они пока ничего нам не говорят. Папин адвокат утверждает, это нормально: они лишь пытаются повесить дело на меня.

Меня опять начинает подташнивать.

– Пока им не в чем тебя обвинить. Они *не могут*. – Волнение сдавливает мою грудь так сильно, что тяжело дышать. – Тебе нельзя в тюрьму, Рид.

– Я не попаду туда.

– Откуда ты заешь?! – Я спрыгиваю с кровати. – Давай просто уедем. Прямо сейчас. Ты и я. Я уже собрала твои вещи.

Рид подсказывает, шокированный моими словами.

– Элла...

– Я серьезно, – не даю договорить ему я. – У меня есть поддельное удостоверение личности и десять тысяч наличными. У тебя ведь тоже есть поддельные документы?

– Элла...

– Мы смогли бы начать новую жизнь, в другом месте, – в отчаянии продолжаю я. – Я устроюсь официанткой, а ты мог бы работать на стройке.

– И что потом? – Его голос звучит нежно, и с такой же нежностью он притягивает меня к себе, встав с кровати. – Прятаться до конца наших дней? Все время оглядываться через плечо, боясь, что копы найдут нас и увезут меня?

Я закусываю губу, до боли.

– Я Ройал, детка. Я не убегаю – я борюсь. – В его глазах появляется твердая решимость. – Я никого не убивал и не собираюсь садиться в тюрьму за то, чего не делал. Обещаю тебе.

И почему всем так нужно давать обещания? Разве никто не знает, что клятвы всегда нарушаются?

Рид сжимает мое плечо.

– Эти обвинения шиты белыми нитками. Папины юристы не позволят...

Но пронзительный вопль заставляет его умолкнуть на полуслове.

Мы оба разворачиваемся к двери, но кричали не на втором этаже, а на первом.

Я вылетаю из комнаты, Рид – за мной, и мы подбегаем к лестнице одновременно с Истном.

– Черт, что это было? – спрашивает Истон.

Это была Дина О'Халлоран, понимаю я, когда выглядываю поверх лестничных перил. Жена Стива стоит прямо под нами, среди огромной гостиной, с лицом блее простыни и поднятой вверх рукой и изумленно смотрит на своего живого мужа.

– Что здесь происходит? – в ужасе кричит она. – Как ты оказался *здесь*?!

До нас доносится спокойный голос моего отца.

– И тебе привет, Дина. Как чудесно снова увидеть тебя.

– Ты... ты... – заикается она. – Ты умер! Ты *мертв*!

Раздается звук шагов, и рядом со Стивом появляется Каллум.

– Дина, – натянутым голосом говорит он, – я собирался тебе позвонить.

– Тогда почему не позвонил? – покачиваясь на своих десятисантиметровых каблуках, рычит Дина. – Тебе не пришло в голову сразу же позвонить и сообщить мне, что *мой муж жив?*

Мне очень не нравилась Дина, но сейчас я даже немного жалела ее. Она в полном шоке и растерянности и имеет на это право: вошла в дом и увидела привидение.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает Стив жену, и меня вдруг раздражает его бесстрастный тон.

Дина, конечно, та еще стерва, но он мог хотя бы обнять ее, разве нет? Она же его *жена*.

– Я пришла к Каллуму. – Дина не перестает моргать, как будто до сих пор не поняла, что Стив действительно стоит напротив нее и это не галлюцинации. – Полиция... оставила сообщение в моем телефоне. Они сказали, что мой пентхаус... – она тут же поправляется, – наш пентхаус – это место преступления.

Как бы мне хотелось видеть выражение лица Стива, но он стоит к нам спиной. Я могу лишь попытаться угадать, наблюдая за Диной; и то, что она видит сейчас на его лице, явно вызывает у нее сильное беспокойство.

– Они сказали мне, что Брук мертва.

– Похоже, что так, – подтверждает ее слова Каллум.

– Но как? – взывает Дина дрожащим голосом. – Что произошло?

– Мы пока не знаем...

– Чушь собачья! Детектив сказал, что они уже задержали подозреваемого для допроса.

Мы с Ридом медленно отходим от балюстрады, но слишком поздно: Дина уже заметила нас. Колючий взгляд серых глаз пронзает нас насквозь, и она издает яростный крик.

– Это он, да? Это Рид убил ее?!

Каллум делает шаг вперед, загоразивая мне обзор. Его плечи похожи на две гранитные глыбы, твердые и неподвижные.

– Рид не имеет к этому никакого отношения.

– Она носила его ребенка! Он имеет к этому *самое прямое* отношение!

Я вздрагиваю.

– Пойдем, – взяв меня за руку, шепчет Рид. – Нам необязательно все это выслушивать.

Но придется. Только *это* мы и будем слушать, когда новость о смерти Брук станет достоянием общественности. Скоро все будут знать об интрижке Рида и Брук, что она была беременна, что тем вечером он ездил в пентхаус, что его допрашивали и обвиняют в убийстве.

Как только обо всем станет известно, сразу же слетятся стервятники, соберется толпа с вилами, и возглавлять ее будет Дина О'Халлоран.

Я шумно вздыхаю, надеясь успокоиться, но это не срабатывает. Руки дрожат. Сердце бьется слишком быстро, каждый удар вибрирует от страха, который пронзает меня до самых костей.

– Я не могу потерять тебя, – шепчу я.

– Этого никогда не будет.

Рид оттаскивает меня от лестницы и заключает в объятия. Истон исчезает в своей комнате, а я прижимаюсь лицом к мускулистой груди Рида.

– Все будет хорошо, – глядя пальцами мои волосы, хрипло говорит он.

Я чувствую, как бьется под моей щекой его сердце: намного спокойнее, чем мое, ровно и четко. Он не боится.

И если Рид, парень, которого только что арестовали, не боится, то я должна брать с него пример. Мне нужно быть такой же сильной и уверенной и заставить себя поверить, что, может быть, впервые за всю мою дурацкую жизнь все действительно *будет* хорошо.

Глава 5

Рид

– По-моему, бро, слухи уже расползлись, – едва слышно бормочет Истон.

Я засовываю свои шмотки в шкафчик и только потом оглядываю помещение. Обычно во время утренней практики раздевалка гудит от разговоров и шуток, но сегодня непривычно тихо. Кое-кто отводит глаза, не желая встречаться со мной взглядом. В итоге я останавливаюсь на Уэйде, который подмигивает мне и показывает два больших пальца. Не знаю, что именно это означает, но его поддержка очень важна для меня. Я коротко киваю в ответ.

Стоящий рядом с ним Лиам Хантер, наш левый полузащитник, пристально смотрит на меня. Я киваю ему тоже, только чтобы позлить. Может, он бросится на меня, и мы сможем выплеснуть нашу агрессию и разрядить царящее напряжение. Я поднимаю руки, жестом показывая ему подойти ближе, но тут же в ушах звенит предостережение адвоката.

– Никаких драк. Смотри, чтобы тебя не оставили после уроков. Веди себя хорошо. – Мы стояли у полицейского участка, папа – рядом с Гриером, сердито глядя на меня, – и адвокат перечислял свои наставления. – Один неверный шаг – и прокурор тут же уцепится за него. На тебе уже висит обвинение в нападении за то, что в прошлом году ты избил того парнишку.

Мне пришлось прикусить язык, чтобы не вступить за себя. Гриеру прекрасно известно, почему я превратил лицо того пацана в кровавое месиво, но на женщину я бы никогда не поднял руку.

Хотя Брук Дэвидсон вполне заслуживала того, что с ней произошло, я не убивал ее; но совершенно точно не жалею, что она умерла.

– Тебе здесь не место, – раздается у меня из-за спины чей-то низкий злой голос.

Я достаю из сумки спортивный пластырь и только потом поворачиваюсь лицом к Рональду Ричмонду.

– Неужели? – непринужденно спрашиваю я и сажусь на мягкое сиденье металлической лавки перед шкафчиком.

– Тренер выкинул из команды Брайана Маусса только потому, что он случайно ударил свою девушку.

Я закатываю глаза.

– Ты имеешь в виду, когда ее лицо случайно упало на его кулак и потом она три недели проходила с фингалом, так что фотографии с бала выпускников пришлось фотошопить? Ты про эту случайность?

Стоящий рядом со мной Истон усмехается. Я заканчиваю обматывать руки и бросаю пластырь брату.

Ронни хмурится.

– Наверное, ты тоже случайно пришел подзаборную подружку твоего папочки.

– Что ж, тогда тебе лучше не сравнивать меня с Брайаном, который любит распускать руки, потому что я никого не убивал. – Я улыбаюсь ему своей самой дружелюбной улыбкой.

Ронни выпячивает хилый подбородок.

– Делаkort говорит другое.

– Дэниела здесь нет, чтобы болтать всякую фигню.

Мой папа позаботился о том, чтобы этого гада-насильника отправили в исправительную военную школу.

– Я имел в виду не Дэниела, – презрительно ухмыляется мой товарищ по команде. – Вчера к моему отцу заходил судья Делакуорт, и он сказал, что на тебя завели дело, там все яснее ясного. На видео видно, как ты зашел в дом и как вышел. Надеюсь, Ройал, тебя поймут.

Истон порывается встать. Я хватаю его за запястье и усаживаю на место. Игроки команды, собравшиеся вокруг, кажутся взволнованными, кто-то перешептывается между собой.

– Судья Делакуорт – продажная скотина, – холодно отвечаю я.

Он пытался подкупить папу, чтобы Дэниел избежал наказания. У него ничего не получилось, и, думаю, теперь он хочет отомстить отцу через меня.

– Может, тебе и правда здесь не место. – Тишину раздевалки разрезает тихий голос Лиама Хантера.

Все в изумлении поворачиваются в его сторону. Хантер молчун, зато отличный игрок на поле. Он не тусуется в нашей компании, хотя многие, я точно знаю, его не раз приглашали. Он держится сам по себе и общается только с Уэйдом, хотя, если уж на то пошло, с Уэйдом все общаются.

Я выгибаю бровь, вопросительно глядя на друга, на что тот пожимает плечами: тоже не имеет никакого понятия, что на уме у Хантера.

– Хантер, у тебя какие-то проблемы? Скажи мне в лицо.

Когда Истон опять встает на ноги, я не останавливаю его, но сам остаюсь сидеть на скамье. Как бы мне ни нравилось решать все споры при помощи кулаков, предупреждение адвоката камнем лежит на моих плечах.

– Мы хотим выиграть чемпионат штата, – говорит Хантер. – А это значит, нам нельзя отвлекаться. Но ты будешь нас отвлекать. Даже если ты этого не делал, все равно будет много нежелательного внимания.

Даже если я этого не делал? Разбить лицо чувака, который пытался оклеветать мою маму, и реально убить кого-то – это абсолютно разные вещи, но, похоже, вся команда этой разницы не видит.

– Спасибо за поддержку, – с сарказмом говорит Ист.

Уэйд тоже решает вмешаться.

– Рид вспыльчивый. Не обижайся, братан, – говорит он уже мне.

– Все в порядке. – Нет смысла притворяться, что мне не нравится физическое насилие. Но тот факт, что я дал кое-кому по морде, не делает меня убийцей. – Но я этого не делал, и скоро весь шум уляжется.

– Но пока до этого дойдет, здесь будет настоящий цирк. – Ронни решает встать на сторону Хантера: глупый ход. – Нам постоянно будут задавать вопросы, отвлекая от футбола. Для половины из нас этот год последний, когда мы выходим на поле в стартовом составе. Мы что, хотим вылететь?

Несколько моих товарищей по команде кивают в знак согласия. Для многих из них окончить школу, имея победу в футбольном чемпионате, – серьезное преимущество.

Но я даже представить себе не мог, что они повесят меня за яйца только потому, что хотят выиграть чертов матч.

Я медленно разгибаю пальцы. «Никакого насилия, – напоминаю сам себе. – Никакого насилия».

Почувствовав, что мое терпение на пределе, Уэйд поднимается со скамьи.

– Ронни, наши игры освещает около дюжины репортеров, и большинство их так облизывает нас, что после последнего свистка мне даже не хочется секса. К тому же Рид – один из наших лучших защитников. Без него мне придется заработать пять, а может, шесть тачдаунов, а я что-то не очень хочу перенапрягаться. – Он поворачивается к Хантеру. – Я услышал тебя, но Рид не станет нам помехой, ведь так, мужик?

Я коротко качаю головой.

– Нет, я здесь, чтобы играть в футбол, и только.

– Надеюсь, – говорит громила.

И тут до меня доходит, чего на самом деле опасается Хантер. В Асторе он учится на государственную стипендию, и ему нужна рекомендация в колледж. Он переживает, что связанная со мной драма отпугнет представителей колледжей.

– Скауты все равно будут приходить на игры, чтобы посмотреть на тебя, Хантер, – уверяю я его.

Он, кажется, сомневается, но Уэйд решает поддержать меня.

– Конечно! Они так и облизываются, глядя на тебя. К тому же чем больше у нас побед, тем лучше, верно?

Видимо, Уэйд удается убедить Хантера, потому что он больше не пытается возражать.

– Видите? – довольным голосом спрашивает Уэйд. – Все отлично. Так что давайте выложимся по полной на этой тренировке, а потом выясним, кто с кем идет на Зимний бал в следующем месяце.

Один из наших принимающих усмехается.

– Серьезно, Карлайл? Мы вдруг стали девчонками?

Это поднимает всем настроение.

– Дерьмо собачье, – рявкает Ронни. – Его, черт подери, не должно быть здесь.

Наверное, не всем.

Я сдерживаю вздох.

Под недовольным взглядом Ронни Ист хлопает себя по груди.

– Ну-ка, Ричмонд, давай попробуем несколько приемов «Оклахома». Может, если тебе хоть раз удастся уложить меня на лопатки, ты станешь меньше волноваться о прессе.

Ронни вспыхивает. При отработке приема «Оклахома» один из игроков атакует другого, а остальные члены команды стоят вокруг них. Ист почти никогда не проигрывает, и уж тем более Ронни.

– Да пошел ты, Истон. В этом вся ваша проблема, Ройалы: вы считаете, что все можно решить насилием.

Мой брат делает шаг вперед.

– Это футбол. Здесь должно быть насилие.

– Все с вами ясно. Значит, для вас убить женщину, которая вам не нравится, – это норма? – Он кривит рот в противной улыбке. – Наверное, поэтому ваша мама и покончила с собой. Устала жить с такими психопатами.

Последнее терпение лопается, и мои глаза застилает красная пелена. Этот кусок дерьма может говорить обо мне все что ему вздумается, но впутывать в это мою маму?

О нет, черт подери!

В мгновение ока я подлетаю к нему, мой кулак врезается ему в челюсть, и мы оба падаем на пол. Вокруг нас раздаются крики. Чьи-то руки хватают меня за шиворот, за футболку, но никому не удается оттащить меня от Ронни.

Я слышу тошнотворный треск, и меня охватывает животное удовлетворение, когда из ноздрей Ронни начинает хлестать кровь. Я сломал ему нос, и мне сто раз плевать на это. Еще один удар, на сей раз в подбородок, – и меня вдруг дергают назад.

– Ройал, мать твою! Где твоя голова?!

И в ту же секунду гнев, бурлящий внутри меня, сменяется беспокойством. Это тренер оттащил меня от Ронни, и теперь он стоит передо мной с раскрасневшимся лицом и полыхающим от ярости взглядом.

– Пойдем со мной, – схватив в кулак подол моей тренировочной футболки, рычит он.

В раздевалке становится тихо, как в церкви. Ронни, пошатываясь, поднимается на ноги и вытирает свой кровотокающий нос. Остальные парни глядят на меня с опаской. Пока тренер

тащит меня к двери, я замечаю тревогу на лице Истона, огорчение на лице Уэйда и разочарование на лице Хантера.

Мне становится стыдно. Проклятье. Я пытался доказать этим парням, что Ройалы не решают все проблемы кулаками, а в итоге первым полез в драку.

Черт.

Глава 6

Элла

Слухи об аресте Рида распространяются как пожар в прерии. Я стою за кассой в пекарне и слышу обрывки перешептываний, ощущая на себе тяжесть брошенных украдкой взглядов. То и дело звучит фамилия Ройал. Одна стильно одетая пожилая дама, которая приходит каждый понедельник, чтобы заказать себе черничную булочку и чашечку чая «эрл грей», спрашивает меня прямо в лоб:

– Ты живешь в семье Ройал?

– Да.

Я провожу по аппарату ее платиновой картой и затем протягиваю кредитку обратно.

Она поджимает накрашенные розовой помадой губы.

– Не самая лучшая среда для юной леди.

– Лучшего дома у меня не было. – Мои щеки горят: наполовину от смущения, наполовину от негодования.

Несмотря на все свои недостатки, которых у Ройалов много, мое утверждение правдиво на все сто. Первые семнадцать лет жизни я жила со своей ветреной мамой в трущобах, протянув руку к небесам, и никогда не знала наверняка, будет ли нам что поесть днем и будет ли у нас крыша над головой ночью.

– Ты кажешься милой девушкой. – Дама шмыгает носом, всем своим видом показывая, что осталась при своем мнении.

Я знаю, о чем она думает. Может, я и милая девушка, но живу с не имеющими ни совести, ни морали Ройалами, фотография одного из которых напечатана на первой полосе «Бэйвью Ньюз» как возможного подозреваемого в смерти Брук Дэвидсон. Немногие знали, кем была Брук, разве что иногда она составляла компанию Каллуму Ройалу. Но зато Ройалов знают все. Их семья – крупнейший работодатель в Бэйвью, если не во всем штате.

– Спасибо. Я принесу ваш заказ, когда он будет готов.

Я одариваю даму вежливой улыбкой и поворачиваюсь к следующему покупателю, молодой деловой женщине, и она явно разрывается между тем, чтобы послушать сплетни, и тем, чтобы успеть на встречу, для которой так разоделась.

Когда я протягиваю руку за ее кредиткой, она вдруг решает, что ей нельзя опоздать. Вот и правильно, леди.

Очередь двигается дальше, а вместе с ней – и комментарии, одни из которых сказаны шепотом, другие – намеренно громко, чтобы было слышно на все маленькое кафе. Я абстрагируюсь от всех этих разговоров, как и мой босс Люси, хотя ее безразличие объясняется скорее занятостью, чем умышленным равнодушием.

– Странное утро, не находишь? – спрашивает Люси, когда я вешаю свой фартук на крюк в подсобке. Она по локоть в тесте.

– С чего вы это взяли?

Я притворяюсь, что не понимаю, о чем она, и беру с противней с остужающейся выпечкой маффин и пончик для Рида. Если бы я была на его месте, то не смогла бы съесть ни крошки, но у этого парня просто стальные нервы. Обвинение в убийстве, похоже, ничуть его не тревожит.

Люси пожимает плечами.

– Атмосфера была какая-то не такая. Все вели себя тихо.

– Сегодня же понедельник, – отвечаю я, и, похоже, мой ответ удовлетворяет ее.

Упаковав еду, я закидываю рюкзак на плечо и за несколько минут дохожу до Астор-Парка. Трудно поверить, что я начала учиться здесь всего несколько месяцев назад. За противостоянием школьным тиранам и влюбленностью время летит незаметно.

Когда я подхожу к школе, на главном крыльце меня ждет только Истон. Я хмурюсь, потому что Рид обычно всегда с ним, но моего парня не видно. Судя по тому, что Истон один, детишки из Астор-Парка уже в курсе последних новостей. В любой другой день этого красавчика окружала бы толпа девчонок.

– Ну, сестренка, что ты мне принесла?

Истон подбегает ко мне и вырывает из руки белую коробку пекарни.

– Пончики, маффины. – Я снова оглядываюсь по сторонам. – Где Рид?

Истон рассматривает содержимое коробки, и мне трудно увидеть выражение его лица. Но зато я замечаю, как слегка напряглись его плечи.

– Разговаривает с тренером, – вот и весь ответ Иста.

– А, ну ладно. Типа летучки или это что-то другое?

– Что-то другое.

Я прищуриваюсь.

– Ты что-то недоговариваешь, да?

Но, прежде чем он успевает ответить, к нам подходит Вэл.

– Привет, подружка!

Она закидывает руку мне на плечо. Значит, либо еще не читала газет, либо ей плевать. Я надеюсь на последний вариант.

– Привет, Вэл.

Здороваясь с ней, я замечаю выражение облегчения на лице Истона. Он определенно хочет что-то скрыть от меня.

Взгляд Вэл останавливается на коробке в руке Истона.

– Скажи, что принесла что-нибудь и для меня, – умоляет она.

– Маффин с шоколадной крошкой. – Я криво усмехаюсь, когда Вэл хватается маффин и откусывает большой кусок. – Плохое утро?

– Ты даже не представляешь! Будильник Джордан сработал в пять утра, но она благополучно спала под пять повторов Rise Кэти Перри. Официально заявляю: я ненавижу Кэти Перри и Джордан.

– Ты только поэтому ненавидишь Джордан?

В летописях о подлых и злых девчонках Джордан Каррингтон могла бы считаться их главным покровителем. Есть очень много других причин ненавидеть ее, и дело не только в музыкальных предпочтениях.

Вэл смеется.

– Кроме всего прочего. Да и плевать на нее, зато ты богиня. И настоящая «железная леди», потому что твое утро, должно быть, было в миллион раз хуже моего.

Я хмурюсь.

– Что ты имеешь в виду?

Она поднимает одну бровь, отчего личико маленькой феи Вэл становится еще больше похоже на образ сказочного существа.

– Рид на тренировке избил Рональда Ричмонда. Все только об этом и говорят, хотя прошел всего час.

От изумления я открываю рот, потом разворачиваюсь к Истону и сердито смотрю на него.

– Рид с кем-то подрался? Почему ты ничего мне не сказал?

Истон улыбается с набитым ртом, и мне приходится ждать, пока он прожует и ответит.

– Потому что не случилось ничего страшного. Ричмонд не смог удержать язык за зубами, и Рид ему помог. Его даже не накажут за это. Тренер только сделал ему предупреждение...

Но я уже марширую к главному входу школы. Поверить не могу, что Рид ввязался в драку, а Истон ничего мне не сказал!

– погоди, – кричит мне вслед Вэл.

Я останавливаюсь, чтобы она догнала меня, а потом снова ускоряю шаг. Может, мне удастся перехватить Рида до того, как начнется первый урок. Я знаю, что он умеет за себя постоять, но мне хочется собственными глазами увидеть, что с ним все в порядке.

– Я видела утренние газеты, – тихим голосом говорит Вэл, стараясь не отставать от моего бешеного темпа. – Дядя с тетей говорили об этом. Во дворце Ройалов дела плохи, да?

– Хуже некуда, – признаюсь я.

Звонок на первый урок застает нас на полпути в крыло выпускного класса. Черт. Я останавливаюсь, раздумывая, продолжить ли поиски Рида или вернуться, чтобы успеть на свой урок. Вэл делает выбор за меня, коснувшись моей руки.

– Если он уже в классе, учитель не разрешит тебе войти и поговорить с ним.

Она права. Опустив плечи, я поворачиваю в противоположную сторону, и Вэл снова шагает со мной в ногу.

– Элла.

Я продолжаю идти.

– Элла. Да стой же! Подожди. – Она опять хватается за руку и с беспокойством изучает мое лицо. – Он никого не убивал.

Я даже описать не могу, сколько облегчения приносят мне ее слова. Мои собственные сомнения в невиновности Рида грызли меня с самого его ареста. Я ненавижу себя уже за то, что допустила подобные мысли, но каждый раз, закрывая глаза, я вспоминаю разошедшиеся швы, кровь и то, что он ездил в пентхаус, не сказав мне.

– Конечно, не убивал, – выжимаю я из себя.

Ее взгляд как будто проникает в самое сердце.

– Тогда почему ты выглядишь такой взволнованной?

– Я не взволнована. – Надеюсь, мой уверенный тон убедит ее. Наверное, так и есть, потому что подруга принимает более расслабленный вид. – Просто сейчас вокруг такой хаос, Вэл. Рида арестовали, приехал Стив...

– Что?! – восклицает она.

Через секунду до меня доходит, что я еще не успела рассказать ей о своем отце. Мне не хотелось сообщать об этом эсэмэской, а из-за суматохи, творившейся вчера в доме, позвонить подруге просто не было возможности.

– Ага, Стив вернулся. Сюрприз! Оказывается, он выжил.

У Вэл немного растерянный вид.

– Ты шутишь, да?

– Нет. – Но мне не удастся объяснить все в деталях, потому что звенит второй звонок. Это значит, у нас есть всего минута, чтобы добраться до класса. – Я расскажу тебе за ланчем, хорошо?

Она медленно кивает все с тем же изумленным выражением лица. В следующем коридоре мы расходимся в разные стороны, и я иду на свой первый урок.

Усевшись за парту, я почти сразу понимаю, что утренние газеты видела не только Вэл. Когда учитель поворачивается к классу спиной, один из придурков тянется аж через два стола, чтобы громким шепотом оповестить меня:

– Можешь пожить в моем доме, Элла, если боишься, что тебя убьют в твоей собственной кровати.

Я не обращаю на него внимания.

– А может, таких, как ты, это только заводит?

В свой первый же день в Астор-Парке я сразу поняла, что почти все ученики этой школы не стоят моего времени и усилий. Здесь очень красиво: роскошные зеленые лужайки, высокие кирпичные здания. Кажется, это место – само совершенство, но, увы, мне еще никогда не приходилось встречать столь несчастных и неуверенных в себе детей, как те, что учатся в Асторе.

Я разворачиваюсь на стуле, наклоняюсь над партой Битси Гамильтон и смотрю прямо в мутные зеленые глаза придурка.

– Как тебя зовут?

Он моргает.

– Что?

– Твое имя, – нетерпеливо повторяю я. – Как тебя зовут?

Битси поднимает ладошку, чтобы спрятать усмешку.

На лице парня появляется презрительная улыбка.

– Аспен, – натянуто отвечает он.

– Аспен? Seriously?

Что за тупое имя!

В этот раз Битси даже не пытается спрятать свой смех.

– Ага, Аспен, серьезно, – выдавливает она между хохотом.

– О боже! Ну ладно, значит, так, *Аспен*. За свою короткую жизнь я повидала столько дерьма, что ты даже представить себе не можешь, поэтому все идиотские оскорбления, до которых у тебя хватит ума додуматься, только сделают тебя жалким. Мне плевать на то, что ты обо мне думаешь. А вообще, если не умеришь пыл и не перестанешь даже думать о том, чтобы посмотреть в мою сторону, я сделаю своей единственной целью в буквальном смысле свести тебя с ума до конца семестра. Буду запихивать в твой шкафчик морепродукты недельной давности. Уничтожу твою домашку. Расскажу каждой девчонке, что у тебя гонорей. Сделаю в фотошопе твою фотку в женских трусах и развешу ее огромные цветные копии по всей школе. – Я холодно улыбаюсь ему. – Ты хочешь этого?

Лицо Аспена становится таким же белым, как снег в городе, в честь которого его назвали.

– Я просто пошутил, – мямлит он.

– У тебя отстойные шутки. Надеюсь, папочка уже подготовил для тебя рабочее место, потому что представить не могу, как ты сможешь поступить в колледж с таким маленьким количеством извилин в мозгу.

На этом я разворачиваюсь лицом к доске.

* * *

Во время ланча наш столик чуть не ломится от подносов. Я рассказываю Вэл о внезапном появлении Стива, но мы не успеваем обсудить, как сильно меня потрясло произошедшее, потому что, вместо того чтобы сесть за стол футбольной команды, Рид, Истон и Уэйд садятся за наш.

Это первый знак того, что что-то не так. Ну да, Рида подозревают в убийстве, так что сейчас все в принципе *не так*, но он сел не со своими товарищами по команде, и, по-моему, дела обстоят куда хуже, чем я думала.

– У тебя правда не будет проблем из-за этой драки в школе? – шепчу я, когда он опускается на стул рядом со мной.

Рид качает головой.

– Получил предупреждение. – И тут же на его лице появляется замученное выражение. – Но ты же знаешь, папе и адвокату все расскажут. Им это не понравится.

Мне это тоже не нравится, но я растягиваю губы в ободряющей улыбке, потому что понимаю, сколько стресса сейчас на него обрушилось. Просто...

Я люблю Рида, очень сильно люблю, но вспыльчивый характер – его самый худший враг. Если он не сможет держать себя в руках, ситуация только ухудшится.

Вэл напротив меня возит по тарелке капустный салат. Она то и дело бросает взгляд на Уэйда, а потом снова опускает в тарелку. Уэйд занят тем же самым – украдкой бросает взгляды на Вэл и почти не притрагивается к своему бургеру.

Они явно изо всех сил пытаются не смотреть друг на друга, и почему-то это поднимает мне настроение. Хорошо, хотя бы не я одна страдаю.

Но тут же во мне просыпается чувство вины, потому что если Вэл так старательно избегает Уэйда, а он слишком сконфужен, чтобы встречаться с ней взглядом, значит, случилось что-то нехорошее. Я мысленно записываю напоминание себе: спросить об этом у Вэл, когда мы останемся наедине.

– Ну, – спрашивает Уэйд, когда тишина за столиком становится невыносимой, – кто хочет пойти на Зимний бал?

Все молчат.

– Серьезно? Никто? – Тогда он обращается к Вэл. – А ты, Каррингтон? У тебя уже есть кавалер?

Она смотрит на него с непроницаемым выражением лица.

– Я никуда не собираюсь.

За столиком опять становится тихо. Вэл вяло ковыряет салат, как и я свою курицу.

– Не голодна? – хриплым голосом спрашивает Рид.

– Нет аппетита, – признаюсь я.

– Переживаешь? – шепчет он.

– Есть немного.

Скорее, много, но я не собираюсь говорить ему правду и цепляю на лицо очередную улыбку.

Но Рид, наверное, видит меня насквозь, потому что наклоняется, чтобы поцеловать, и я позволяю себе отвлечься на этот приятный поцелуй, но в глубине души понимаю, что это лишь временное средство.

Отстранившись, я так ему и говорю:

– Ты не сможешь заставить меня перестать волноваться поцелуями.

Рука Рида поднимается вдоль моего тела и останавливается под грудью. Он начинает поглаживать меня там большим пальцем, отчего по телу пробегает волна мурашек. Я смотрю в его голубые глаза, полные порочных обещаний, и решаю, что, возможно, он и *сможет* заставить меня перестать волноваться только лишь поцелуями.

Я убираю с его лица пару шелковистых прядей, мечтая, чтобы сейчас мы были одни и он смог воплотить свои обещания в реальность. Рид притягивает меня к себе, чтобы снова поцеловать. В этот раз я приоткрываю рот, позволяя его языку скользнуть внутрь.

– Давайте, не когда я ем, – стонет Истон. – Вы испортите мне аппетит.

– По-моему, это маловероятно, – говорит Вэл.

Я улыбаюсь в губы Рида, а потом сажусь ровно.

– Ну все, я завелся. Никто не хочет прогуляться со мной до туалетов? – бодрим голосом спрашивает Уэйд.

Вэл категорично поджимает губы.

– Все будет хорошо, – говорит мне Рид. – Только вряд ли с желудком Истона. Он проглотил столько углеводов, что ему, вероятно, понадобится медицинское вмешательство.

И Рид показывает на гору пасты в тарелке брата.

– Я много ем, когда нервничаю, – отвечает последний.

Я пытаюсь последовать примеру Рида и поднять остальным настроение.

– А как ты объяснишь съеденный на прошлой неделе целый пакет печенек?

– Просто я был голоден. К тому же это были печенки. Кому нужен предлог, чтобы полакомиться сладостями?

– По-моему, в этом есть сексуальный подтекст, – вмешивается Уэйд. – И правильный ответ: никому не нужен предлог, чтобы полакомиться сладостями.

– А вот тебе нужно разрешение, – натянуто говорит Вэл и впервые за все время, что мы сидим за столом, в открытую смотрит на Уэйда. – Если твой рот весь перепачкан чьими-то чужими сладостями, то другие кондитерские больше не захотят предлагать тебе свои.

Затем она поднимается из-за стола и марширует прочь.

– Эй! – кричит Уэйд ей вслед. – Я съел чужие сладости только один-единственный раз и только потому, что кондитерская, где я хотел их получить, была закрыта!

Он вскакивает со своего места и бросается за Вэл, а нам – мне, Риду и Истону – лишь остается удивленно смотреть на их удаляющиеся фигуры.

– У меня такое ощущение, что они говорили совсем не о сладостях, – замечает Истон.

Что правда, то правда. Мне не хочется видеть Вэл расстроенной, но я невольно завидую ее проблемам.

С заморочками в отношениях куда легче справляться, когда тебе не надо переживать о том, что твоего парня могут отправить в тюрьму.

Глава 7

Рид

Как только я вхожу в дом, в гостиную выглядывает отец и указывает на меня пальцем.

– В мой кабинет. Сейчас же.

Мы с Эллой обмениваемся тревожными взглядами. Не нужно быть гением, чтобы понять, что новость о моей драке с Ричмондом дошла и до отца. А я-то надеялся рассказать все сам.

– Мне пойти с тобой? – скорчив гримасу, спрашивает Элла.

Я почти сразу же качаю головой.

– Нет. Поднимайся наверх, поделай уроки или займись еще чем-нибудь. Здесь вряд ли будет весело. – Она медлит, и я легонько подталкиваю ее. – Давай же, я скоро приду.

Дождавшись, пока она исчезнет на втором этаже, я уныло вздыхаю – этот вздох рвался из моей груди уже давно. Сегодня в школе выдался препаршивый день, и не только потому, что я разбил нос своему товарищу по команде. Меня достали все эти шепотки и взгляды. Обычно я плевать хотел на то, что думают обо мне одноклассники, но сегодняшняя напряженная атмосфера была почти удушающей.

Все хотят знать, не я ли убил Брук. Многие уверены в этом, даже кое-кто из моей команды. Черт, иногда я думаю, что Элла тоже так считает. Она не говорила этого вслух, но во время ланча я поймал ее взгляд, когда она смотрела на меня, думая, что я не замечаю. У нее было такое выражение лица – не могу точно описать. Не то чтобы явное сомнение, а, наверное, опасение. И чуть-чуть грусти.

Я сказал себе, что она просто напугана всем происходящим, но часть меня в раздумьях: не сомневается ли *она*? Вдруг она смотрит на меня так, потому что пытается понять, не встречается ли с убийцей, ну или типа того.

– Рид.

Папин резкий голос заставляет меня сдвинуться с места. Я прохожу по коридору в его кабинет и, когда вижу за большим столом Гриера, совсем падаю духом. Папа сидит в стоящем рядом кресле.

– Что случилось? – тут же интересуюсь я.

– Ты еще спрашиваешь? – Папино лицо мрачнее тучи, и выглядит он весьма грозно. – Недавно мне позвонил директор и рассказал о твоей маленькой вспышке гнева в раздевалке.

Я возражаю.

– Это не было вспышкой гнева. Ричмонд нес всякую фигню про маму.

Но впервые за все время упоминание мамы не заставляет отца смягчиться.

– Мне плевать, даже если он оскорблял самого Иисуса Христа, – тебе нельзя драться в школе, Рид! Хватит уже, тем более когда тебя обвиняют в убийстве второй степени¹.

Во мне борются ярость и чувство стыда. Раскрасневшийся папа сжимает кулаки, но сквозь раздражение в его глазах я замечаю кое-что похуже: разочарование.

Трудно вспомнить, когда мне было не плевать, разочарован ли мною отец. Но сейчас мне, похоже, не все равно.

– Присядь, Рид, – приказывает Гриер, удерживая свою неизменную золотую ручку над блокнотом. – Нам нужно кое-что перепроверить.

¹ Убийство при смягчающих вину обстоятельствах. – Здесь и далее прим. переводчика.

Я неохотно подхожу к одному из стульев с мягким сиденьем и сажусь. Папа чопорно опускается на второй стул.

– Мы обсудим драку через минуту, – говорит Гриер. – А пока что ты должен рассказать мне, почему под ногтями Брук нашли твою ДНК.

Я чуть не подпрыгиваю от шока.

– Что?

– Сегодня я разговаривал с помощником окружного прокурора и с детективами, ведущими расследование. Они не хотели разглашать нам подробности до окончания анализа ДНК. Но результаты стали известны, и с нами с радостью ими поделились. – Лицо Гриера становится мрачным. – Они взяли у Брук соскоб подногтевого содержимого и обнаружили там частички кожи. ДНК совпала с твоей.

– Но откуда у них моя ДНК? – спрашиваю я. – Я не сдавал никаких образцов.

– У них все есть с прошлого ареста.

Я морщусь. *Прошлый арест.* Звучит не очень.

– Им так можно?

– Как только ты попадаешь в систему, то остаешься там навсегда. – Гриер перебирает бумаги, папа с хмурым видом наблюдает за ним. – Расскажи мне все про тот вечер, шаг за шагом, секунду за секундой. Не упускай ничего. Даже если ты выпустил газы, я должен об этом знать. Что ты делал после того, как встретился с Брук?

– Поехал домой.

– Сразу же?

– Да.

Черты лица Гриера заостряются.

– Ты в этом уверен?

Я хмурюсь.

– Я... наверное.

– Неправильный ответ. Судя по записям с камер наблюдения, ты приехал час спустя.

– Приехал куда?

– Сюда! – с раздражением рявкает адвокат. – В вашем доме установлено видеонаблюдение, Рид, или ты забыл?

Я смотрю на отца, который с мрачным видом кивает.

– Мы проверили пленки, пока ты был в школе, – говорит он мне. – Камеры показывают, что ты вернулся домой в двадцать два часа.

– То есть через целый час после того, как уехал из пентхауса О’Халлоранов, – подчеркивает Гриер.

Я снова напрягаю мозги, пытаюсь вспомнить тот вечер.

– Я чуть-чуть покатался по городу, – медленно выговаривая слова, отвечаю я. – Я был зол из-за разговора с Брук и хотел немного успокоиться, прежде чем...

– Нет, – перебивает меня папа.

– Нет что? – Сейчас я вообще ничего не понимаю.

– Ты не должен говорить ничего такого, слышишь меня? Никаких намеков, даже между нами, что тем вечером ты был в таком состоянии, что хотел «успокоиться». Ты поругался с Брук, все как обычно, – твердым голосом говорит папа. – Ты был спокоен, когда входил туда, и так же спокоен – когда выходил.

От ощущения безысходности меня словно скручивает в тугой узел.

– И что с того, если я покатался на машине час или три, да хоть десять? – взрываюсь я. – На *их* пленках видно, как я выхожу из пентхауса через двадцать минут после того, как зашел туда. Так какая разница, что я приехал домой только час спустя?

– Они потребуют видеозаписи с твоих камер в качестве доказательства, – говорит Гриер отцу, как будто я не сказал ни слова. – Это лишь вопрос времени.

– И снова спрашиваю: что с того? – нажимаю я.

Гриер тычет ручкой в мою сторону.

– А то, что ты солгал. Если ты хоть раз скажешь неправду во время слушания, они смешают тебя с грязью.

– Слушания? Мне придется давать показания? – От волны смешанных эмоций меня начинает подташнивать. Все это время я говорил себе, что полиция вот-вот найдет настоящего убийцу, но, похоже, они считают настоящим убийцей меня.

– Во время допроса детективы заметили, что ты несколько раз касался своего бока и что на твоей футболке выступили пятна крови.

– Вот дерьмо, – бормочу я.

Такое ощущение, что на мою шею только что накинули веревочную петлю.

– Как это произошло? – Гриер продолжает забрасывать меня вопросами.

– Я не знаю. Может, когда я ехал в машине. Или, может, я потянулся, чтобы взять что-нибудь.

– И каким образом у тебя появилась эта рана?

Я и без адвоката понимаю, что мое следующее признание выставит меня не в лучшем свете.

– Меня пырнули ножом в доках.

– А что ты там делал?

– Дрался, – еле слышно бормочу я.

– Что?

– Дрался. Я дрался.

– Ты дрался? – повторяет Гриер.

– Нет закона, запрещающего драться.

Один из парней, с которыми я дрался в доках, – сын помощника генерального прокурора. Он заявил, что если все мы участвуем в боях по собственной воле, то не делаем ничего плохого. Желание врезать кому-нибудь по роже не является уголовно наказуемым правонарушением.

Но, похоже, это может быть доказательством того, что человек склонен к насилию и, возможно, способен на убийство.

– И не было никаких обменов деньгами? Я разговаривал с Франклином Дойтмейером, также известным как Толстый Дьюс, и он утверждает, что Истон Ройал делает ставки на футбольные матчи. Скажешь, он никогда не ставил на твои бои? – Гриер не дожидается моей лжи. – Мы допрашивали Джастина Марковитца, и он говорит, что там все время крутились деньги.

У меня складывается ощущение, что ему не нужны мои ответы, и я оказываюсь прав, потому что Гриер подается вперед, чтобы высказать заключительный довод, который отправит меня в тюрьму.

– Ты дерешься за деньги. Ты дерешься, потому что тебе это нравится. Ты без всяких на то причин отправил в больницу парня...

В этот раз я перебиваю его.

– Он оскорбил мою маму.

– Как и Ричмонд, которому ты сломал нос сегодня? Он тоже оскорбил твою маму?

– Да, – натянуто отвечаю я.

– А Брук? И она оскорбила твою маму?

– Что ты несешь? – рывкает мой отец.

– У твоего сына взрывной характер, вот что! – огрызается Гриер. – Достаточно дыхнуть на могилу его умершей матери...

Папа морщится.

– ...и он теряет контроль. – Гриер бросает ручку на стол и пристально смотрит на меня. – Окружной прокурор прямо-таки зациклен на этом деле. Не знаю, почему. У них до хрена нераскрытых преступлений, убийств среди наркоторговцев, букмекеров типа Толстого Дьюса, которые забирают деньги у детей, но им нравится это дело, как и все, кто в нем замешан. Наши частные детективы копнули поглубже и прояснили кое-какие слухи о том, что у Дины О'Халлоран, судя по всему, была связь с окружным прокурором Пэтом Марольтом.

Папа ругается.

– Черт подери!

Веревка на моей шее затягивается все туже.

– Полиция будет допрашивать твоих одноклассников, всех до единого. Если у тебя были проблемы хоть с одним из них, лучше рассказать мне об этом прямо сейчас.

– Ты считаешься одним из лучших адвокатов штата, – раздраженно говорит папа.

– А ты просишь меня сотворить чудо, – так же раздраженно отвечает ему Гриер.

– Нет, – вмешиваюсь я. – Мы просим вас выяснить правду. Пусть я и не против получить удар в челюсть, но мне не хочется попасть в тюрьму за то, чего я не делал. Я еще тот засранец, но я никогда не поднимал руку на женщин и уж чертовски точно ни одну не убивал.

Папа встает рядом со мной и кладет ладонь мне на плечо.

– Ты выиграешь это дело, Гриер. Мне все равно, чем ты там еще занят. Все это не имеет никакого значения до тех пор, пока с Рида не будут сняты все подозрения.

Подразумевается: «А не то пеняй на себя».

Губы Гриера сжимаются в тонкую линию, но он не пытается возражать. Вместо этого он поднимается из-за стола, складывает все свои бумаги и говорит:

– Мне пора работать.

– Что мы должны делать, пока продолжается расследование? – провожая Гриера до дверей, спрашивает папа.

Я же словно приклеился к стулу и думаю только о том, как моя жизнь превратилась в этот ад. Я смотрю на свои руки. Это я убил ее? Может, мне приснилось, что я уходил из пентхауса? Может, я страдаю необъяснимыми провалами в памяти?

– Сделайте вид, что все хорошо, ведите себя как обычно, а ты притворяйся, что невиновен.

– Я *невиновен*, – огрызаюсь я.

Гриер останавливается в коридоре.

– Окружному прокурору, чтобы доказать преступление, нужны средства, мотив и возможность его совершения. Брук ударила головой о камин с такой силой, что череп отделился от позвоночника. Ты большой и сильный, тебе нравится бить людей. У них есть видеозапись, на которой ты появляешься в нужный период. И у них есть мотив. О, кстати, и Элла Харпер.

Я напрягаюсь.

– Что с ней?

– Держись от нее подальше, – ровным голосом отвечает Гриер. – Она твоя самая большая слабость.

Глава 8

Элла

Когда я добираюсь до школы, Рид уже ждет меня на ступеньках парадной лестницы. Сейчас нет Истона, но я даже рада этому, потому что смогу побыть с Ридом наедине, особенно учитывая, что случилось вчера. После разговора с Каллумом и Гриером он был угрюмым и замкнутым и впервые за долгое время не остался спать в моей комнате. Я не умоляла его остаться, но заставила поговорить со мной.

Он рассказал не очень много, но, похоже, адвокат тревожится из-за драк Рида, и еще его беспокоит, что тот отсутствовал почти час перед тем, как появиться в особняке Ройалов после того, как уехал из пентхауса.

Если честно, мне это не совсем понятно. Что такого, если Рид отправился домой не сразу? Это же не значит, что он занимался чем-то подозрительным, тем более когда копам известно, что он покинул пентхаус спустя двадцать минут, как вошел туда.

И все же, раз Гриер и Каллум так сильно нервничают, это, должно быть, очень важно. Именно об этом я и завожу разговор, поприветствовав Рида поцелуем.

– Я все никак не могу понять, почему так важен этот час, когда ты просто катался по городу?

Его глаза темнеют, отчего вкупе с незаправленной рубашкой и расстегнутым пиджаком он становится похож на типичного «плохого мальчика». Прежде меня никогда не тянуло к парням такого типа, но Рид в этом образе кажется просто неотразимым.

– Он ничего не значит, – отвечает Рид.

– Тогда почему адвокат так из-за этого беспокоится?

Рид пожимает плечами.

– Не знаю. Но я не хочу, чтобы *ты* из-за этого беспокоилась, ладно?

– Я не могу не беспокоиться. – Я медлю в нерешительности, потому что не хочу снова поднимать эту тему, зная, как она бесит Рида, но ничего не могу с собой поделать.

– У нас еще есть время, чтобы сбежать, – умоляющим голосом говорю я, оглядываюсь, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, и затем перехожу на шепот: – Я не хочу сидеть здесь и ждать, пока тебя упекут за решетку.

Его жесткий взгляд теплеет.

– Детка, этого не случится.

– Откуда ты знаешь? – Меня охватывает ощущение беспомощности. – Я уже потеряла очень важного для меня человека и не хочу потерять еще и тебя!

Вздыхнув, Рид притягивает меня к себе и целует в лоб.

– Ты меня не потеряешь.

Его губы находят мои, и Рид проталкивает язык мне в рот, отчего у меня перехватывает дыхание и подгибаются колени. Я хватаюсь за его бицепсы, чтобы не упасть.

– Ты самый сильный человек из всех, кого я знаю, – шепчет он мне в губы. – Будь сильной для меня, ладно? Мы не будем убегать. Мы останемся и будем бороться.

Я не успеваю ответить, потому что мое внимание привлекает звук подъезжающего автомобиля. Оглянувшись, я вижу, как на огромной подъездной дорожке перед главным зданием школы останавливается полицейский автомобиль.

Мы с Ридом оба замираем на месте.

– Они приехали за тобой? – со страхом спрашиваю я.

Его лицо снова становится мрачнее тучи, взгляд синих глаз прикован к машине.

– Не знаю.

Рид мрачнеет еще больше, когда из машины со стороны водителя вылезает коренастый лысый мужчина.

– Вот дерьмо!

– Ты его знаешь? – с шипением шепчу я.

Рид кивает.

– Детектив Казинс, один из тех копов, которые меня допрашивали.

О боже. Это нехорошо.

Естественно, как только Казинс замечает нас на ступеньках, то тут же подходит прямо к нам.

– Мистер Ройал, – холодно приветствует он Рида.

– Детектив, – таким же холодным тоном отвечает Рид.

Несколько секунд мы стоим в напряженном молчании, но потом детектив переводит свой неприятный взгляд на меня.

– Элла О’Халлоран, если не ошибаюсь?

– Харпер, – огрызаюсь я.

Он закатывает глаза – на самом деле – что, на мой взгляд, несколько грубо.

– Что ж, мисс *Харпер*, вы этим утром первая в моем списке.

Я, нахмурившись, смотрю на него.

– Что еще за список?

– Свидетелей. – Казинс кажется очень довольным собой, улыбаясь мне. – Директор решил мне провести опрос свидетелей в его кабинете. Прошу, следуйте за мной...

Я остаюсь на месте. Каллум уже предупредил меня, что может произойти нечто подобное, так что я к этому подготовилась.

– Простите, но нет. Любые разговоры с представителями полиции должны проводиться только в присутствии моего опекуна, – я улыбаюсь ему в ответ с не меньшим самодовольством, – а также моего адвоката.

Детектив прищуривает глаза.

– Понятно. Значит, так и будем действовать. – Он коротко кивает. – Тогда я, пожалуй, свяжусь с вашим опекуном.

Сказав это, он протискивается мимо нас и исчезает в дверях парадного входа.

Как только детектив уходит, моя маска самоуверенности спадает, и я тут же поднимаю глаза на Рида.

– Сегодня он будет опрашивать свидетелей? *Кого?*

– Понятия не имею, – мрачным тоном отвечает он.

– Боже, Рид, это очень плохо! Очень-очень плохо!

– Все будет нормально. – Но в его голосе не слышно прежней уверенности. – Пойдем. Нам нужно успеть на урок. Напиши мне, если будут какие-то проблемы, ладно?

– А у меня могут быть какие-то проблемы? – с опаской спрашиваю я.

Его ответ звучит таинственно:

– Аборигены неспокойны².

Наш разговор и внезапное появление детектива Казинса ничуть меня не утешили, и я думаю, Рид это понимает, но все равно натягивает на лицо улыбку и провожает меня до класса, как будто все супер. Быстро поцеловав меня, он уходит в противоположном направлении. Я

² Эта фраза была использована во время заседания парламента Новой Зеландии в 1868 году и описывала непокорные племена британских колоний, впоследствии став крылатым выражением.

же не могу избавиться от беспокойства. Оно накрыло меня словно толстое одеяло, и, когда я захожу в класс по химии и сажусь на свое место, рядом с Истоном, видно, что я в отчаянии.

– Что случилось? – тут же спрашивает Истон.

Я наклоняюсь и шепчу ему на ухо:

– Приехали копы, будут спрашивать народ про Рида.

Истон остается невозмутимым.

– В школе никто ничего не знал про Рида и Брук, – шепчет он мне в ответ. – Эти допросы ничего им не дадут.

Я украдкой оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

– Но все в школе знают о его драках. – И тут мне в голову приходит еще одна мысль. – А Саванна знает про Дину.

Истон хмурится.

– Это не имеет никакого отношения к Брук.

– Нет, но они могут повернуть все в свою пользу. – Я заламываю руки, потому что страх вернулся, и он еще сильнее, чем прежде. – Если они узнают, что Дина шантажировала брата Рида, то могут придумать какую-нибудь безумную историю о том, что Рид приехал в пентхаус к *Дине*, но вместо нее убил Брук.

Безумная мысль, но весьма вероятная, потому что на лице Истона проступает тревога.

– Черт.

– Если они будут допрашивать Саванну, как думаешь, она им что-нибудь скажет?

Он медленно качает головой.

– Я... так не думаю.

Мне этого недостаточно. Ни капельки.

– Мы вместе ходим на английский, он как раз следующим уроком. Я поговорю с ней.

– И что? Пригрозишь, что сломаешь ей ноги, если она пикнет? – Истон выдавливает из себя вялую улыбку.

– Нет, но я постараюсь донести до нее, как важно не упоминать про Гидеона и Дину.

– Сэв ненавидит Ройалов, – устало говорит он. – По-моему, ты вряд ли убедишь ее держать язык за зубами.

– Может, и нет, но я все равно собираюсь попытаться.

* * *

После химии я несусь на второй этаж, чтобы перехватить Саванну Монтгомери до того, как она войдет в класс английского.

Я еще никогда не встречала человека противоречивее, чем бывшая девушка Гидеона. Когда я перевелась в Астор-Парк, она провела для меня экскурсию по территории и хотя вела себя тогда как последняя стерва, все-таки дала мне несколько бесплатных советов о том, как выжить в этой школе. К тому же, несмотря на то что она всегда держит дистанцию и не особо разговорчива в классе, Саванна все-таки потратила свое время на то, чтобы предупредить меня о Дэниеле Делакорте, а потом помогла мне и Вэл отомстить этому подонку.

Может, она все-таки союзник?

Не знаю, честное слово. Ее сложно разгадать, а то и совершенно невозможно.

Сегодня это последний вариант. Она хмурится, увидев, как я бесцельно слоняюсь у двери в класс, но все же говорит «привет» без неприязни.

– Можешь уделить мне минутку, чтобы поговорить? – тихо спрашиваю я.

Она с подозрением оглядывает меня.

– Зачем?

Я призываю себя быть терпеливой.

– Затем, что нам нужно поговорить.
– Скоро начнется урок.
– Мистер Уинстон всегда опаздывает на десять минут, и ты это знаешь. У нас еще есть время. – Я умоляюще смотрю на нее. – Пожалуйста.

Через мгновение она кивает.

– Ладно, но очень быстро.

Мы молча идем по коридору к шкафчикам, которые образуют еще один маленький коридор. Оказавшись с ней наедине, я тут же беру быка за рога.

– Здесь полицейские, хотят опросить некоторых друзей и одноклассников Рида.

Лицо Сэв не выражает никакого удивления.

– Да, я в курсе. Меня уже вызывали в кабинет Берингера. Я буду говорить с ними во время перерыва на ланч. – Она закатывает глаза. – Они хотели вытащить меня прямо с урока, но я послала их куда подальше. Не хочу отстать по учебе только потому, что один из Ройалов убил девушку своего папаши.

Я вздрагиваю, словно она дала мне пощечину.

– Рид никого не убивал, – говорю я, сжав зубы.

Саванна пожимает плечами.

– Да пусть даже и убил, плевать. Брук никогда мне не нравилась.

Я хмурюсь. Саванна знала Брук? На секунду я задумываюсь, но потом понимаю, что да, Сэв *знала* ее. Когда она проводила для меня экскурсию по Астор-Парку, то назвала Брук «временным развлечением». Они с Гидом встречались почти год, значит, она наверняка сталкивалась с Брук в доме.

– Эта женщина была той еще дрянью, – добавляет Саванна. – Охотница за деньгами с большой буквы «О».

– Какой бы она ни была, Рид ее не убивал.

Сэв выгибает идеальную по форме бровь.

– Ты хочешь, чтобы я так и сказала копам?

Я стараюсь подавить раздражение.

– Говори им что хочешь, потому что он этого не делал. Я хотела поговорить с тобой о другом.

– О чем это?

Я бросаю быстрый взгляд на главный коридор: пусто.

– О Гидеоне и Дине.

Как мне рассказал Рид, Дина залезла в телефон Гида и украла оттуда «голые» фотки, которые они с Саванной друг другу посылали. Вооружившись этим, Дина угрожала ему обвинением в изнасиловании, потому что на тот момент Саванне было всего пятнадцать, а Гидеону – восемнадцать.

При упоминании имени Гидеона настороженность на лице Саванны сменяется злостью.

– Ты имеешь в виду то, как мой парень трахал эту дешевку и любительницу молодых мальчиков? – огрызается она.

– Да, и эта дешевка и любительница молоденьких мальчиков шантажирует его фотографиями, которые *ты* ему присылала, – огрызаюсь я в ответ.

В этот раз вздрагивает Саванна.

– Ты хочешь сказать, что Гид вляпался во все это из-за *меня*? Но это не так! *Он* изменил мне! *Он* переспал с этой гадиной! И это *его* вина, что она помешалась на нем и украла его телефон. Я лишь отправляла фотки своему парню, Элла!

Я чувствую, что наш разговор начинает выходить из-под моего контроля, и быстро меняю свой тон на спокойный и дружелюбный.

– Я ни в чем тебя не виню, – уверяю я Саванну. – Я лишь хочу сказать, что ты втянута в это, хочешь того или нет. У Гидеона могут возникнуть проблемы, если копы пронюхают про Дину и фотографии.

Саванна молчит.

– Я знаю, ты его ненавидишь, но еще я уверена, что ты не хотела бы видеть, как его упекают в тюрьму. А если расскажешь им, то они попытаются использовать эту информацию против Рида. – Я пристально смотрю на нее. – А Рид невиновен.

По крайней мере, я так думаю.

Сэв продолжает молчать и молчит так долго, что я начинаю сомневаться, удалось ли мне достучаться до нее. Но наконец она тяжело вздыхает и кивает.

– Ладно, я ничего им не скажу.

Я испытываю облегчение, но Саванна даже не оставляет мне шанса поблагодарить ее – просто уходит, не сказав больше ни слова.

Глава 9

Элла

Больше мы с Саванной сегодня не видимся. В любой другой день мне было бы все равно, тем более что после обеда у нас нет совместных уроков, но сейчас у меня развилась настоящая паранойя. Она должна была беседовать с детективом во время перерыва на ланч. Я надеялась, что Сэв отыщет меня и расскажет о допросе, но она этого не сделала, а всю вторую половину дня я даже мельком не видела ее в школьных коридорах.

Во время ланча Вэл призналась, что сегодня утром полицейские оставили ее родителям сообщение, в котором спрашивали разрешение допросить ее. Но, похоже, ее дядя и тетя придерживаются тех же взглядов, что и Каллум, потому что они разрешили допрашивать Вэл и Джордан лишь в своем присутствии.

М-да, Джордан. Очевидно, она тоже есть в списке Казинса. И это очень сильно тревожит меня, потому что я уверена: Джордан будет говорить о Риде только самое худшее.

Я не знаю, с кем еще сегодня разговаривали копы кроме Саванны. Мой собственный предстоящий допрос вселяет в меня ужас, но, будем надеяться, Каллуму удастся потянуть с ним как можно дольше. Может, за это время детективы сделают свою дурацкую работу и найдут настоящего убийцу.

Если настоящий убийца вообще существует...

В горле застывает крик, отчего я останавливаюсь прямо посреди парковки. Ненавижу эти мысли, которые продолжают вспыхивать в моем сознании. *Ненавижу* себя за то, что все еще сомневаюсь в Риде. Он твердит, что не убивал ее. Он клянется, что не делал этого.

Так почему я не могу поверить ему на сто процентов?

– Парковка для того, чтобы на ней стояли машины, сестренка, а не люди.

Я разворачиваюсь и вижу ухмыляющегося Истона. Он слегка подталкивает меня вперед и добавляет:

– Бедняжка Лорен пытается выехать отсюда уже... минуты две.

Я поднимаю глаза на красный БМВ с заведенным двигателем. И действительно оттуда мне машет Лорен Донован, на ее лице виноватое выражение, как будто это она мешает мне, а не наоборот.

Я машу в знак извинения девушке близнецов и поспешно ухожу с дороги.

– Я задумалась, – говорю Истону.

– Все еще переживаешь из-за допросов?

– Ага. Но я поговорила с Саванной, и она пообещала, что ничего не скажет про Гидеона.

Истон кивает.

– Это уже хорошо.

– Угу.

– Элла, – доносится из-за наших спин голос Рида, – поедешь домой со мной?

Он идет через парковку с Себастианом. И моя паранойя снова дает о себе знать.

– Что случилось? Разве ты не идешь на тренировку?

Рид качает головой.

– Ист идет, а у меня освобождение. Только что получил сообщение от папы: он приказал ехать домой.

Страх холодком бежит вдоль позвоночника.

– Зачем? Что произошло?

– Я не знаю. – Рид выглядит сбитым с толку. – Он сказал, что это важно и что он уже договорился с тренером.

Судя по его лицу, Рид нервничает. Я уже изучила своего парня и знаю, что, когда его загоняют в угол, он ведет себя жестко, а этот угол, где полно полиции, следователей и на горизонте маячит тюрьма, кажется самым маленьким и одиноким углом в мире.

– Он хочет, чтобы я тоже приехала? – осторожно спрашиваю я.

– Нет. Но я хочу. – Рид переводит взгляд на своего младшего брата. – Себ, поедешь на машине Эллы?

Себастиан кивает.

– Без проблем.

Я бросаю ему ключи и смотрю, как он уходит к моему кабриолету, а Истон убегает на тренировку. Мы с Ридом залезаем в его «рейндж-ровер», и я начинаю гадать, зачем он попросил меня поехать с ним, потому что за пять первых минут в пути Рид не произносит ни слова.

Я смотрю в окно и грызу ноготь большого пальца. Мне трудно с молчаливым Ридом: так сильны воспоминания о первом времени в особняке Ройалов. Тогда от Рида можно было ждать только презрительных взглядов и язвительных замечаний, к чему я совершенно была неготова. Мама была слегка – ладно, *очень* – легкомысленной, но жизнерадостной и никогда не стеснялась своих эмоций, в отличие от меня.

– Давай скажи уже это, – вдруг рявкает Рид.

Я испуганно вздрагиваю.

– Сказать что?

– Что тебя гложет. Я прямо слышу, как ты думаешь, а если ты и дальше будешь грызть свой ноготь, он отвалится.

Обескураженная, я опускаю глаза на отметины зубов на большом пальце. Потирая красные пятнышки, отвечаю:

– Не думала, что ты заметишь.

– Я замечаю все, если дело касается тебя, детка, – говорит он низким, хриплым голосом.

– Я волнуюсь. Ты продолжаешь говорить мне не делать этого, но становится только хуже, – признаюсь я. – В школе сразу видно, кто твой враг, кто может тебе помочь, а кто бесполезен, кто за тебя, кто – против. Но эта ситуация кажется просто непостижимой.

И очень *страшной*, но об этом я вслух не говорю. Риду не нужно слушать о моих страхах. Он взвалит их на себя, и они лишь добавят веса тем проблемам, которые и так тяжким грузом лежат на его плечах.

– Все скоро разрешится, – отвечает Рид, его сильные руки направляют внедорожник по длинной вымощенной подъездной дороге, ведущей к особняку Ройалов. – Потому что я этого не делал.

– Тогда кто это сделал?

– Может, отец ребенка? Похоже, той ночью Брук могла перетрясти всех, с кем была знакома. Я был не единственным идиотом, – он резко умолкает.

И я рада этому, потому что мне не нравится слушать о том, что у Рида был секс еще с кем-то, пусть даже до меня. Боже, как было бы здорово, если бы он был еще девственником.

– Тебе следовало бы остаться девственником, – сообщаю я ему.

Рид удивленно усмехается.

– Так ты из-за этого вся на нервах?

– Нет, но только подумай, сколько проблем бы это решило! У тебя ничего не было бы с Брук. Девчонки из школы не пускали бы на тебя слюни.

– Если бы я был девственником, каждая из этих девчонок лезла бы вон из кожи, чтобы затащить меня в постель, а потом хвастаться, что стала первой, кто покорила вершину по имени Рид.

Он улыбается и останавливает машину около дома.

У Ройалов есть целый двор, отведенный под стоянку машин. Он выложен кирпичом в форме спиралей и ведет к гаражу, который вмещает все их автомобили. Только вот гаражом никто не пользуется. Обычно двор уставлен черными «роверами», там же стоит и вишневый пикап Истона.

– Девочки не такие, – говорю я, выскакивая из внедорожника и протягивая руку за своим рюкзаком. – Они не стали бы соревноваться в том, кто из них первая лишит тебя девственности.

Рид хватается за рюкзак первым и с усмешкой забирает его у меня.

– Девчонки именно такие. Как думаешь, из-за чего Джордан все время докапывается до тебя? Ты ее соперница, детка. Почти все, независимо от пола, чертовски склонны к соперничеству. А детишки из Астора – больше всех на свете. Если бы я был девственником, для кого-то это стало бы еще одной целью.

– Как скажешь.

Он обходит «ровер» спереди и забрасывает руку мне на плечо. Наклонив голову так, что его губы касаются моего уха, Рид шепчет:

– Мы можем поиграть, когда я сорву твою вишенку: я буду девственником, а ты – опытной старшеклассницей.

Я ударяю его: Рид это заслужил – но он лишь начинает смеяться еще сильнее. И пусть он смеется надо мной, но счастливый Рид нравится мне куда больше, чем тихий и злой.

Правда, его хорошее настроение мигом улетучивается, когда мы входим в дом, где нас строгим взглядом приветствует Каллум.

– Рад, что вам весело, – ровным голосом говорит он, как только мы заходим на кухню.

Заметив Стива, я подпрыгиваю от удивления. Это покажется безумием, но я все время забываю о нем. Мой мозг, похоже, не в состоянии справиться сразу с несколькими кризисными ситуациями зараз, и единственное, о чем я пока могу думать, – это о том, что Риду грозит тюрьма. Каждый раз, увидев Стива, я словно заново узнаю, что он жив.

От меня не ускользает, как он прищуривается, когда замечает руку Рида у меня на плечах. На его лице отражается что-то типа родительского неодобрения, к чему я совершенно не привыкла: с мамой всегда было легко.

Я выскальзываю из-под руки Рида, притворившись, что мне нужно залезть в холодильник.

– Хочешь чего-нибудь? – спрашиваю я у него.

Рид весело улыбается мне.

– Конечно, а что ты можешь предложить?

Придурок. Он понял, почему я скинула его руку, и теперь подшучивает надо мной. Справившись с порывом показать ему средний палец, я достаю баночку йогурта.

Каллум хлопает в ладоши, чтобы привлечь наше внимание.

– Берите ложки, я буду ждать вас в моем кабинете.

– Мы будем, – поправляет его Стив.

Махнув рукой, Каллум уходит.

– Брось свои намеки, – шипя на Рида, я достаю из ящика ложку.

– Зачем? Папа знает про нас.

– А Стив – нет, – напоминаю я ему. – Все это так странно, понимаешь? Давай будем притворяться, что мы просто...

Рид выгибает бровь.

– ...друзья, – заканчиваю я, потому что все другие варианты кажутся слишком неприятными.

– Притворяться? Я думал, мы и *есть* друзья. Ну все, ты убила меня. – Он театральным жестом прикладывает руку к своей груди.

– Еще нет, но это можно поправить. – Я угрожающе помахиваю перед ним ложкой. – Я не боюсь дать волю рукам, приятель.

– Жду не дождусь. – Опустив руку на мое бедро, Рид притягивает меня к себе. – Почему бы тебе не дать волю рукам прямо сейчас?

Я облизываю губы, притягивая к ним его взгляд.

– Рид! Элла! – кричит Каллум. – В мой кабинет. Сейчас же!

Я отпрыгиваю от Рида.

– Пойдем.

Мы входим в кабинет. Стив стоит, прислонившись к столу, Каллум меряет шагами комнату. Все наше хорошее настроение мигом испаряется, стоит нам увидеть в одном из кожаных кресел, стоящих перед столом, Хальстона Гриера.

– Мистер Гриер, – натянуто здороваются с ним Рид.

Гриер поднимается на ноги.

– Рид. Как дела, сынок?

Рид обходит меня, чтобы пожать ему руку.

– Мне уйти? – смущенно спрашиваю я.

– Нет, Элла, это касается и тебя тоже, – отвечает Каллум.

Рид тут же встает рядом со мной и кладет руку мне на талию, словно хочет защитить. И только сейчас я замечаю, что галстук у Каллума перекошен, а волосы торчат в разные стороны, как если бы он сотни раз проводил по ним рукой. Мой взгляд перебегает на Стива. Он одет в джинсы и свободную футболку. По нему не скажешь, что он чем-то обеспокоен.

Даже не знаю, на кого из них равняться. Мой взгляд мечется между взъерошенным Каллумом и спокойным Стивом. Может, речь пойдет обо мне, а не об убийстве?

– Тебе лучше присесть. – Это говорит Гриер.

Я качаю головой.

– Спасибо, я постою.

Садиться опасно: когда стоишь, убежать можно быстрее, чем если сидишь, потому как тебе нужно для этого еще и встать.

– Папа, – начинает Рид.

Каллум вздыхает и проводит тыльной стороной руки по щеке.

– Судья Делапорт пришел ко мне с интересным предложением. – Он умолкает. – Оно касается образцов ДНК, которые нашли под ногтями Брук.

Рид хмурится.

– И что?

– Делапорт готов потерять эти улики.

У меня отвисает челюсть. Отец Дэниела – *судья*. И он предлагает «потерять» улики? В жизни не встречала настолько продажных людей.

– И какая цена? – спрашиваю я.

Каллум поворачивается ко мне.

– Дэниел вернется в Астор-Парк. Ты отзовешь свои обвинения и признаешься, что приняла наркотики по собственной воле. – Он переводит взгляд на своего сына. – Когда ты с братьями нашел ее, она сочинила историю, чтобы ваша неприязнь к ней не стала еще больше. Это цена.

Каждая клеточка моего тела восстает против сценария, описанного Каллумом.

Рид взрывается словно вулкан.

– Вот проклятый ублюдок! Ни за что!

– Если я это сделаю... – я делаю глубокий вдох, – с Рида снимут все обвинения и дело закроют?

Эти вопросы я задаю адвокату.

– Ты не станешь этого делать, – сжав мою руку выше локтя, требует Рид.

Я вырываюсь из его хватки и снова обращаюсь к адвокату.

– Если я это сделаю, – повторяю я, сжав зубы, – Рид будет спасен?

Рид кричит на своего отца из-за того, что тот даже на секунду задумался об этом. Каллум пытается успокоить его, уверяя, что и сам не советует мне выбирать этот вариант.

Хотя очевидно, что он хочет этого, иначе сразу бы отказал Делакурту. Мне немного обидно, но я понимаю его. Каллум пытается спасти своего сына от тюрьмы.

Тем временем Стив не произносит ни слова. Он просто наблюдает за происходящим. Но сейчас меня не волнует, кто еще есть в кабинете, – я жду, что ответит мне адвокат.

Несмотря на творящийся в кабинете хаос, Гриер сохраняет полнейшую невозмутимость и складывает руки с идеальным маникюром на коленях. Интересно, кого он видит, когда смотрит на меня: хрупкую девочку, глупышку, дуреху? А может, ту, которая так сильно любит своего парня, что готова ради него на все?

Но ведь это... такая мелочь. Дэниел Делакурт появится в моей жизни еще на несколько месяцев, чуть больше подлых детишек из Астор-Парка будут шептаться у меня за спиной, меня буду считать наркоманкой. Но все это в обмен на свободу Рида?

Оно того стоит.

– Это не повредит, – наконец отвечает Гриер.

И тут Рид снова срывается.

Глава 10

Рид

– Ни за что!

Стоит адвокату закончить фразу, я тут же оставляю отца в покое, подхожу к Элле и встаю между нею и этой змеей, пока он не успел уговорить ее согласиться.

– Этому не бывать! Нет!

Элла отходит от меня.

– А что с видеозаписями?

– Они тоже могут исчезнуть, – отвечает Гриер. – Похоже, что Делапорт собаку съел на том, как избавляться от улики.

– Поверить не могу, что кто-то из вас может считать это отличной идеей! Дэниелу нельзя и на сто километров приближаться к Элле, – запальчиво говорю я. – Вы совсем охренели, что ли?

– Следи за языком, – делает мне замечание отец, хотя раньше ему не было дела, ругаюсь я или нет.

– Ты так считаешь? – набрасывается на меня Элла. – По-твоему, лучше двадцать пять лет просидеть в тюрьме? Если, проглотив свою гордость, я смогу спасти тебя, то для меня это никакая не фигня!

Почему-то Элле никто не говорит *следить за языком*, и это еще больше выводит меня из себя.

Я поворачиваюсь к отцу, потому что именно его нужно убедить в первую очередь, иначе Элле нельзя будет отговорить от этой сделки. Смогут только папа и этот грязный адвокатишка.

– Как же подло с твоей стороны! Этот ублюдок – настоящий псих, а ты хочешь вернуть его? Нет, хуже! Ты хочешь, чтобы Элле унижали всю ее жизнь?

Папа сердито смотрит на меня.

– Я пытаюсь спасти тебя от тюрьмы. Это не самая лучшая идея, но вы оба должны были выслушать ее. Вы хотите, чтобы я обращался с вами как со взрослыми? Тогда вам придется принимать взрослые решения, – рывкает он.

– Значит, я принял решение! Дэниел остается там, где он сейчас находится, а мы выиграем это дело по существу, потому что я, мать вашу, никого не убивал. – Я отчеканиваю каждое слово, чтобы никто не ослышался.

Элла хватается меня за запястье.

– Рид, прошу тебя!

– О чем ты меня просишь? Ты понимаешь, что начнется в школе, если ты скажешь, что солгала про Дэниела? Ты не сможешь ходить по коридорам в одиночку. Кому-то из нас все время надо будет находиться рядом с тобой. Джордан порвет тебя на мелкие кусочки.

– Думаешь, меня это волнует? Подумаешь, каких-то несколько месяцев!

– А в следующем году? Меня не будет здесь, чтобы защитить тебя, – напоминаю я ей.

И вижу, как прищуривает глаза Стив.

– Я ценю твою заботу, Рид, но Элле не нужна твоя защита. У нее есть отец, который в состоянии ее защитить. – Он поджимает губы. – А вообще, по-моему, мне пора забрать дочь домой.

У меня холодеет кровь.

Элла еще крепче сжимает мои пальцы.

Стив отталкивается от стола и выпрямляется.

– Каллум, я очень благодарен тебе за то, что ты заботился о ней, пока меня не было, но я отец Эллы. Сейчас у тебя полно забот с собственными детьми, нам с Эллой здесь делать нечего.

О, черт, нет! Она не оставит меня или этот дом!

– Папа, – предостерегаю я.

– Стив, полиция еще не освободила твой пентхаус, – напоминает Каллум своему другу. –

И, похоже, это случится еще не скоро.

Он смотрит на адвоката, чтобы тот подтвердил его слова.

Гриер кивает.

– В офисе шерифа говорят, что будут собирать улики еще как минимум две недели.

– Ничего страшного. Мы с Диной выкупили пентхаус в «Хэллоу-Окс». – Стив лезет в карман и достает пластиковую карточку. – Твое имя я тоже добавил в бронь, Элла. Вот твой ключ.

Элла остается стоять на месте.

– Нет уж. Я не буду спать под одной крышей с Диной, – и тут же быстро добавляет, – без обид.

– Элла – Ройал, – холодным тоном говорю я.

Взгляд Стива опускается на побелевшие пальцы Эллы, сжимающие мое запястье.

– Пока нет, – не без удовольствия бормочет он.

– Будь разумным, Стив, – говорит папа. – Обустройся сначала сам. К тому же нам необходимо решить несколько юридических вопросов. Это в новинку для всех.

– Элле семнадцать, а значит, она еще находится на попечении родителей, разве не так, Хальстон?

Адвокат склоняет голову набок.

– Все верно. – Он поднимается и расправляет брюки. – Судя по всему, сейчас вам нужно переговорить о личных проблемах. Я оставлю вас.

Но он останавливается на полпути к дверям и хмуро смотрит на меня.

– Полагаю, будет лишним просить тебя не появляться на субботних похоронах?

Я тоже хмурюсь.

– Каких похоронах?

– Похоронах Брук, – натянутым голосом отвечает отец, а потом переводит взгляд на Гриера. – Нет, Рида там не будет.

– Вот и хорошо.

Я не могу удержаться, чтобы не съязвить:

– А что случилось с вашим «будьте сплоченной семьей»?

Гриер отвечает столь же язвительно:

– Можете оставаться сплоченной семьей везде, кроме похоронного бюро. И ради всего святого, Рид, держись подальше от неприятностей. Никаких драк в школе и всего прочего, ясно?

Он многозначительно показывает глазами на Эллу.

Моя самая большая слабость? Ну уж нет. Элла – мой стальной стержень, но Гриер видит в ней лишь доказательство моего мотива. Я встаю ближе к ней.

Адвокат качает головой и поворачивается к папе.

– Дай знать, если захочешь, чтобы я организовал новую встречу с Делакуртом.

– Не будет никаких встреч, – рывкаю я им.

Папа похлопывает Гриера по спине.

– Я позвоню тебе.

Внутри клокочет ярость. Меня словно нет в комнате. Но раз уж никто здесь не собирается меня слушать, то нет никакого смысла и дальше *оставаться* здесь.

– Пойдем, – говорю я Элле.

И вытаскиваю ее из кабинета, не дожидаясь ее согласия или чьего-нибудь еще.

Через минуту мы уже на втором этаже, где я открываю дверь в спальню Эллы и заталкиваю ее внутрь.

– Это глупо! – выкрикивает она. – Я не перееду в какую-то гостиницу со Стивом и этой отвратительной женщиной!

– Нет, – соглашаюсь я, наблюдая, как она залезает на кровать.

Ее школьная форменная юбка задирается вверх, и я успеваю увидеть ее попку, прежде чем Элла садится и притягивает колени к подбородку.

– И ты тоже ведешь себя глупо, – ворчит она. – По-моему, нам следует принять предложение Делапорта.

– Нет, – снова повторяю я.

– Рид.

– Элла.

– Но тогда ты не попадешь в тюрьму!

– Зато я до конца жизни буду в руках у этого ублюдка. Нет, детка, этого не будет. Я серьезно. Так что выкинь эту идею из головы.

– Ладно, раз ты не хочешь принимать это предложение...

– И не буду.

– ...тогда что мы будем делать?

Я снимаю свою белую рубашку и скидываю ботинки. Оставшись в брюках и майке, сажусь на кровать рядом с Эллой и притягиваю ее к себе. Она прижимается ко мне, но лишь на одно короткое мгновение. Потом снова садится и сердито смотрит на меня.

– Я задала тебе вопрос, – ворчит Элла.

Я раздраженно вздыхаю.

– Мы ничего не можем сделать, Элла. Это работа Гриера.

– Что ж, тогда он плохо делает свою работу, раз советует тебе заключить сделку с продажным судьей! – Ее щеки покраснели от гнева. – Давай составим список.

– Что за список? – непонимающе спрашиваю я.

– Всех тех, кто мог бы убить Брук. – Она соскакивает с кровати, подбегает к своему столу и хватает ноутбук. – С кем она еще была близка, кроме Дины?

– Насколько я знаю, ни с кем, – отвечаю я.

Элла садится на кровать и открывает крышку ноутбука.

– Ответ не принимается.

Я уже начинаю злиться.

– Другого у меня нет. У Брук не было друзей.

– Но у нее были враги – ты это хочешь сказать, верно?

Элла открывает поисковый сайт и печатает имя Брук. Появляется миллион результатов о миллионе других Брук Дэвидсон.

– Значит, нам надо просто выяснить, кто именно эти враги.

Я сажусь, опираясь на локти.

– Ты теперь у нас Лоис Лейн?³ Собираешься сама раскрыть это преступление?

– А у тебя есть идея получше? – отвечает Элла вопросом на вопрос.

Я вздыхаю.

– У папы есть частные детективы. Они нашли тебя, помнишь?

³ Персонаж комиксов о Супермене, его возлюбленная, а впоследствии и жена. Работала репортером в газете и всегда выбирала самые опасные и трудные задания.

Рука Эллы застывает над мышкой, но лишь на секунду, и она кликает на ссылку, чтобы открыть страницу Брук на *Facebook*. Пока страница загружается, она в задумчивости глядит на меня, а потом объявляет:

– Похороны.

– Что похороны? – с опаской спрашиваю я.

Мне не нравится ход ее мыслей.

– Думаю, ты должен пойти на них.

Я рывком сажусь ровно.

– Ни за что. Гриер сказал, что нам нельзя там появляться.

– Нет, он сказал, что тебе нельзя там появляться. – Ее взгляд снова опускается на экран. – Эй, а ты знал, что у Брук была степень бакалавра искусств и она училась в университете Северной Каролины?

Я не обращаю внимания на эту бесполезную информацию.

– Ты не пойдешь на похороны, Элла, – грозно говорю я.

– Почему нет? Так я лучше всего пойму, с кем была близка Брук. Посмотрю, кто еще придет и... – Она ахает. – А если придет и *убийца*?

Закрыв глаза, я пытаюсь сохранять терпение.

– Детка. – Открываю глаза. – Ты серьезно думаешь, что тот, кто убил Брук, появится и скажет: «Привет, ребята! Я и есть убийца!»?

В ее глазах вспыхивает возмущение.

– Ну конечно, нет. А ты разве не смотрел все эти документальные фильмы по телику? Комментаторы из ФБР всегда говорят о том, что убийцы возвращаются на места своих преступлений или приходят на похороны жертвы, чтобы подразнить полицию.

Я в изумлении смотрю на нее, но она уже снова погрузилась в ноутбук.

– Я не хочу, чтобы ты шла на похороны, – говорю я, стиснув зубы.

Элла даже не смотрит на меня, когда отвечает:

– Что ж, сочувствую, но это твои проблемы.

Глава 11

Элла

– Ты убила монашку ради этого прикида? – спрашивает Истон, когда ранним воскресным утром я залезаю в его пикап.

Я хлопаю рукой по приборной панели.

– Заткнись, и поехали.

Он послушно заводит мотор и направляет машину к массивным железным воротам, которые отгораживают особняк от главной дороги.

– С чего такая спешка? От кого мы убегаем? От Стива?

Хотя Стив сейчас живет с Диной в пентхаусе отеля «Хэллоу-Окс», мы все равно то и дело натываемся на него в особняке. Он поднимает Каллumu настроение, но я чувствую себя неловко в его присутствии и стараюсь избегать встреч с ним. Наверное, это уже все заметили.

– От Рида, – отвечаю я. – Он не хотел, чтобы я поехала.

– Да, и он не особо радовался, когда узнал, что я тоже еду.

Я смотрю в заднее окно, чтобы убедиться, что Рид не бежит за пикапом. Он был не в лучшем расположении духа, когда я выходила из дома, но, как я уже сказала ему, это его проблемы. Мне же хочется изучить каждого, кто придет сегодня на церемонию прощания с Брук.

К тому же кто-то должен поддержать Каллума, когда будут хоронить его невесту. Мне не хотелось бы, чтобы он справлялся с этим в одиночку, и раз о присутствии Рида не может быть и речи, а близнецы отказались ехать, то остаемся мы с Истоном. Каллум уехал перед нами со своим шофером Дюраном, потому что после похорон у него какие-то дела в городе.

– И что ты сделала? Занималась с ним сексом, заставив подчиниться? И теперь он в отключке, пребывая в посторгазменном блаженстве?

– Заткнись.

Я отыскиваю на телефоне свой микс из треков, способных приободрить любую девушку, и врубаю музыку.

Но Истоно ничто не может заставить замолчать, и он начинает кричать мне через песню:

– Что, ты еще не трахалась с ним? Наверное, у бедняги яйца уже фиолетовые.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой свою личную жизнь, – сообщаю я ему и делаю громкость еще выше.

Следующие километры восемь Истон смеется.

Горькая правда в том, что это Рид мучает нас. Три последних ночи он снова спал в моей кровати, и мы много шалили. Ему нравится, когда я касаюсь его – везде. Ему нравится, когда я делаю ему минет, и он с радостью отвечает мне оральными ласками. Черт, да он может часами висеть у меня между ног, если я позволяю ему. Но дойти до конечной точки? Эта тема закрыта до тех пор, пока «история с Брук», как говорит Рид, не разрешится.

И поэтому я нахожусь в странном состоянии удовольствия и предвкушения. Рид дает мне почти все, но этого мало. Однако, если бы ситуация была противоположной, он стопроцентно проявил бы уважение к моим желаниям. Поэтому мне придется уважать его, что отстойно.

Когда мы подъезжаем к похоронному бюро, Каллум уже ждет нас у входа. Он одет в черный костюм, который, наверное, стоит больше, чем моя машина, а волосы зачесаны назад, отчего он кажется моложе.

– Вам необязательно было ждать нас, – говорю я, когда мы подходим к нему.

Он качает головой.

– Вы слышали Хальстона – нам нужно показать, что мы одна дружная семья. Так что, если появимся все вместе, остальные поверят, что мы благопристойные и ни в чем неповинные люди.

Я не говорю этого вслух, но уверена, что никого не впечатлит эта маленькая демонстрация внутренней силы Ройалов, учитывая, что все мы – члены семьи подозреваемого в убийстве.

Мы втроем входим в мрачное здание, и Каллум ведет нас через арку налево. Там оказывается что-то типа небольшой часовни с рядами отполированных деревянных скамеек и подиумом, на котором стоит...

Гроб.

Стоит мне увидеть его, как пульс учащается. О боже. Поверить не могу, что Брук действительно лежит там.

В голову приходят ужасные мысли, и, встав на цыпочки, я шепчу на ухо Каллumu:

– Ей делали вскрытие?

Каллум отвечает угрюмым кивком.

– Результатов еще нет. – Он на секунду умолкает. – Но подозреваю, что они еще возьмут анализ ДНК у плода.

При мысли об этом меня начинает подташнивать, потому что впервые за все время с тех пор, как начался этот кошмар, до меня вдруг доходит, что в том пентхаусе погибло *двое*: Брук... и невинное дитя.

Проглотив прилив желчи, я заставляю себя отвести взгляд от глянцевого черного ящика и поднимаю глаза на огромную фотографию в рамке, которая стоит на подставке рядом с ним.

Брук, может, и была ужасным человеком, но даже я не могу отрицать ее красоту. На фотографии улыбающаяся Брук в сарафане с милым узором. Светлые волосы распущены, голубые глаза сияют, и она смотрит прямо в камеру. Настоящая красавица.

– Черт, все это вгоняет меня в депрессию.

Это точно.

Когда-то я была такой бедной, что не смогла себе позволить устроить для мамы похороны. Церемония прощания стоила в два раза больше кремации, поэтому я решила не проводить службу. Все равно бы никто не пришел. Хотя маме, наверное, понравилось бы.

– Идешь? – кивая вперед, спрашивает Истон.

Проследив за его взглядом, я опять упираюсь глазами в гроб. Он открыт, поэтому я отказываюсь подходить, качаю головой и нахожу себе место где-то в середине, а Истон тем временем неспешной походкой идет вдоль центрального ряда, засунув руки в карманы. Пиджак натягивается на его широких плечах, когда он наклоняется вперед. Интересно, что он видит?

Оглянувшись по сторонам, я удивляюсь количеству гостей. Вернее, почти их полному отсутствию: в часовне чуть больше десяти человек. Похоже, у Брук и правда не было друзей.

– *Вон отсюда!*

Я вздрагиваю, услышав пронзительный вопль Дины. По крайней мере, один друг у Брук был.

Только через мгновение до меня доходит, что Дина обращается к *нам*. Она метает взгляды-молнии в нас с Истоном, который только что отошел от гроба.

– Как вам не стыдно?! – кричит она, и я еще никогда не видела ее такой безумной. Она покраснела от злости, во взгляде зеленых глаз пылает ярость. – Вам, Ройалам, здесь не место! А ты...

Теперь она переключается на меня.

– ...ты даже не член семьи! Вон! Все вы!

Не знаю, как выглядит невиновность, но в своем списке подозреваемых я ставлю Дину на первое место. Женщина, которая шантажом уложила бедного парня в свою постель, вполне способна и на что-то похуже.

К нам подходит Каллум с каменным выражением лица. Стив в таком же черном костюме следует за ним по пятам. Взгляд Стива останавливается на черном мешке, который служит мне платьем, но это единственное, что попало мне под руку в первом магазине одежды в молле. Оно размера на два больше, но больше черных платьев в моем гардеробе нет, за исключением мамино. Однако оно вызывает у меня печальные воспоминания и к тому же слишком сексуальное для похорон.

– Мы никуда не уйдем, – натянутым голосом говорит Каллум. – Если уж на то пошло, у нас больше прав быть здесь, чем у тебя, Дина. Я должен был жениться на ней, ради всего святого!

– Да ты даже не любил ее, – рычит Дина. Она так сильно дрожит, что ее качает из стороны в сторону. – Для тебя она была всего лишь секс-игрушкой!

Я быстро оглядываю комнату, чтобы посмотреть, кто еще это слышал.

Все слышали. Взгляд каждого, кто находится в этой комнате, прикован к этой перепалке, включая священника. Он сердито взирает на нас с подиума, и я не единственная, кто это замечает.

– Дина. – Стив говорит тихо, но властно, и эту нотку я слышу впервые. Обычно он разговаривает в добродушно-веселой манере, но точно не сейчас. – Ты выставишь себя на посмешище.

– Мне плевать! – кричит она. – Им здесь не место! Она была *моей* подругой! Она была мне как сестра!

– Она была невестой Каллума, – рявкает на нее Стив. – Какие бы чувства он к ней ни испытывал, мы знаем, какие чувства к нему были у *нее*. Она любила Каллума. Она бы хотела, чтобы он был здесь.

Эти слова заставляют Дину заткнуться, но лишь на секунду. Она устремляет свой полный ярости взгляд на меня.

– Что ж, тогда *ей* здесь точно не место!

Стив опасно прищуривается.

– Черта с два ей тут не место. Элла – моя дочь.

– Она твоя дочь от силы минут пять! Я же твоя *жена*, черт подери!

Священник громко откашливается. Наверное, ему не нравится, что она поминает черта посреди часовни.

– Ты ведешь себя как ребенок, – резким голосом говорит Стив. – Только позоришь себя. Поэтому сядь на место, пока тебя не вышвырнули отсюда.

Тут Дина умолкает надолго. Метая грома и молнии в нашу сторону, она сердито шагает к первому ряду и опускает свой зад на скамью.

– Мне очень жаль, что так получилось, – извиняется Стив, но смотрит только на меня. – Сегодня она немного... эмоциональна.

Истон едва слышно фыркает, как будто хочет сказать: «*Немного?*».

Каллум коротко кивает.

– Давайте уже сядем. Служба скоро начнется.

Я с облегчением вздыхаю, когда Стив уходит, чтобы сесть рядом со своей гадюкой женой. Хорошо, что он не сел с нами. Каждый раз, когда кто-то упоминает, что я его дочь, мне становится невообразимо неловко.

К моему удивлению, Каллум тоже садится не с нами, а на первой скамье в противоположном от О'Халлоранов ряду.

– Он прочитает речь, – говорит мне Истон.

Я поднимаю брови.

– Seriously?

– Он был ее женихом, – пожав плечами, отвечает Истон.

Точно. Я все время забываю о том, что их пагубные отношения и ненависть Каллума к Брук не были достоянием общественности.

– Было бы подозрительно, если бы он... блин, вот дерьмо! – Истон обрывает фразу, когда его взгляд скользит направо.

Я замираю на месте, когда вижу, почему именно он выругался. В часовню входит детектив, который на этой неделе приезжал в Астор-Парк, Казинс, кажется. Рядом с ним – черно-волосая женщина небольшого роста. На их ремнях золотом отливают полицейские значки.

Но как бы сильно я ни нервничала в их присутствии, внутри меня все ликует. Как бы мне хотелось, чтобы Рид сейчас был здесь, и тогда я бы сказала ему: «Вот видишь! Полицейские пришли, потому что тоже думают, что убийца может заявиться сюда!».

– Надеюсь, они не собираются допрашивать нас, – шепчу я Истону, внимательно разглядывая гостей.

Любой из них может оказаться убийцей. Мой взгляд останавливается на затылке Каллума. У него был мотив, но он ни за что не позволил бы обвинить своего сына в преступлении, которое сам совершил. К тому же он был вместе с нами в Вашингтоне.

Я перевожу взгляд на Стива. Ну какой у него мог быть мотив? Если бы в гробу лежала Дина, он стал бы моим главным подозреваемым, но его не было девять месяцев, а значит, он никак не мог быть отцом ребенка Брук. Стива можно исключить.

Больше я никого не знаю. Может, это один из них. Но кто?

– Папины адвокаты по-прежнему тянут время, – шепчет в ответ Истон. – Так что если это и случится, то только на следующей неделе. Зато они говорили с Уэйдом.

Я глубоко вздыхаю.

– Уже?

Интересно, почему Вэл ничего мне не сказала? Но потом понимаю, что у нее вряд ли была возможность это сделать.

С тех пор как начался весь этот хаос, мне почти не удается пообщаться с лучшей подругой. Я знаю, что она скучает по мне, и я тоже по ней скучаю, но когда в твоей жизни происходит такое дерьмо, нет времени на то, чтобы гулять, болтать и веселиться.

– Они расспрашивали его о драках Рида, – рассказывает Истон, – и о девчонках, с которыми он встречался.

– Что за черт? Почему это так важно? – Почему-то именно из-за этого мне становится особенно не по себе. Зачем полицейским разбираться в прежних отношениях Рида или текущих, со мной?

– Не знаю. Просто передаю тебе то, что рассказал мне Уэйд. И это все, что он рассказал. Они даже не говорили с ним о Брук или... – Он снова умолкает посреди фразы. – Нет, вы издеваетесь? Это уже просто бред какой-то.

Я опять оборачиваюсь и вижу Гидеона, который идет в нашу сторону.

Истон шепчет мне уголком рта:

– Что здесь делает Гид? Кто будет ехать три часа, чтобы попасть на похороны стервы, которую едва мог выносить?

– Я просила его приехать, – признаюсь я.

Он изумленно смотрит на меня.

– Зачем?

– Потому что мне нужно поговорить с ним.

Я не вдаюсь в подробности, и Истон не успевает расспросить меня, потому что Гидеон уже рядом.

– Привет, – шепчет самый старший из братьев Ройал.
Но смотрит он не на нас, а на гроб Брук.

Представляет ли он, что там Дина? Я бы не удивилась. Жена Стива шантажирует Гидеона шесть месяцев, если не больше.

Я двигаюсь, чтобы освободить место, и он садится рядом с Истоном. Гидеон – семейная аномалия Ройалов. Он выглядит не таким мускулистым, как его младшие братья, и волосы у него не темные, хотя глаза голубые, как у всех остальных.

– Как учеба? – смущенно спрашиваю я.

– Нормально.

Я почти не общалась с Гидеоном, потому что он учится в колледже, в нескольких часах езды от Бэйвью, и знаю о нем совсем немного. Он пловец. Встречался с Саванной Монтгомери. Спит или спал с Диной. Посылал эротические фотки своей девушке.

Если бы Гидеон и убил кого-то, то это была бы Дина.

Но... Дина и Брук внешне очень похожи. Обе – блондинки с длинными волосами, как у моделей в журналах. Обе худые как палки, но с внушительным бюстом. Со спины их легко можно принять за сестер.

– Спасибо, что приехал, – говорю я Гидеону и украдкой изучаю его лицо. У него абсолютно бесстрастное выражение – интересно, так выглядят виновные?

– Так и не понял, зачем ты меня позвала, – звучит его резкий ответ.

Я медлю в нерешительности.

– Ты можешь задержаться после службы? Будет неловко разговаривать, когда... – Я киваю в сторону огромной фотографии Брук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.